

АРСЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

**ЖАВОРОНОК
В ПОДНЕБЕСЬЕ**

Воронеж • 2016 • Кварта

УДК 82-1 (08)

ББК 84-5я 44

К 89

Издание осуществлено на средства семьи и земляков поэта.
В сборнике использованы фотографии из музея Березовской
школы, личных архивов краеведа Л.И. Аксеновой,
дочери поэта Г.А. Кузнецовой, обозревателя газеты
«Аннинские вести» Л.Н. Скопинцевой.

Редколлегия: Л.И. Аксенова, Л.Н. Скопинцева, Г.В. Шатунова

Кузнецов А.

К89 Жаворонок в поднебесье. Сборник стихотворений /
Вст. статья Л.И. Аксеновой, Г.В. Шатуновой. Послесло-
вие Л.Н. Скопинцевой, А.В. Шалатова. – Воронеж: Квар-
та, 2016. – 144 с., ил.

ISBN 978-5-89609-421-0

Сборник подготовлен в Год литературы и посвящен
100-летию со дня рождения русского поэта из воронежской
глубинки Арсения Михеевича Кузнецова (1914–1968). Стихи
А.М. Кузнецова, излучая любовь к своей малой родине, воспе-
вают красоту и богатство природы родного Прибитюжья, вза-
имоотношения человека и природы, крестьянский труд и быт,
образ человека-труженика. Для широкого круга читателей.

УДК 82-1 (08)

ББК 84-5я 44

ISBN 978-5-89609-421-0

© Кузнецов А.М., 2016
© Кварта, оформление, 2016



Арсений Михеевич Кузнецов

10.11.1914 – 02.05.1968

ПОЭТ, УЧИТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ

*Милый край, родное поле!
Я влюблен в тебя с рожденья.
Здесь беру свои я силы,
Радость, счастье, вдохновенье.*

А.М. Кузнецов

Ушел в прошлое двадцатый век, очень разным сохраняет его человеческая память, предлагаем взглянуть на него через призму восприятия нашего земляка, русского поэта Арсения Михеевича Кузнецова. В 2014 году мы праздновали 100-летие со дня его рождения.

Как большая река имеет свой единственный малый исток, так и человек начинает свое становление на малой родине. Для Арсения Кузнецова – это степное село Берёзовка. Здесь он родился, учился в школе, постигал тайны мироздания, здесь «первые зародилась святая к Родине любовь».

Арсений Михеевич на всю жизнь сохранил любовь и глубокую привязанность к малой родине. Он очень любил своё село. Да и как его не любить?! Такой простор и раздолье вокруг: родная степь, заливные луга, глубокая и чистая река Березовка, сады с наливными яблоками, школьные аллеи... Родная улица, лавка, своя пекарня в селе... А в центре села возвышается белокаменная церковь с крестами и куполами. По праздникам далеко окрест был слышен колокольный звон. Старожилы села помнят этот звон, наполняющий радостью каждый дом.

Арсений Михеевич Кузнецов родился в крестьянской семье 10 ноября 1914 года в селе Березовка Бобровского уезда Воронежской губернии (сегодня Аннинский район). В этом году в Березовке было более пятисот дворов, около четырех тысяч жителей; кустарные промышленные заведения: маслобойки, мельницы, мастерские. С 1913 года в селе проводилась Васильевская ярмарка, на которой торговали скотом, лошадьми, щепным товаром. Ещё в 1854 году в центре села на самом высоком месте была построена Вознесенская церковь, при которой была открыта церковно-приходская школа. Позже были построены

новые школы в Березовке и Тулиновке. Одна из начальных школ находилась на Заливе, недалеко от дома Кузнецовых.

С раннего детства Арсений был связан с крестьянским трудом. Его мать, Татьяна Кузьминична Кузнецова (15.01.1891–30.05.1965), трудилась на полевых работах, вязала снопы, молотила рожь. Воспитывала троих детей. У Арсения были старшие сестры – Полина (10.10.1910–1998) и Дарья (02.03.1913–13.08.1994). Отец, Михай Кузнецов, был грамотным, окончил четыре класса церковно-приходской школы. Так сложилось, что пути-дороги родителей разошлись.

У Татьяны Кузьминичны, в девичестве Дугаевой, были братья, которые во всем ей помогали. Один из братьев, Егор Кузьмич Дугаев, жил и работал в Воронеже, занимал руководящую должность и был влиятельным человеком. Второй брат Иван Кузьмич Дугаев жил в Анне, занимался пчеловодством, пел в церковном хоре. Татьяна Кузьминична вскоре вышла замуж за Тюрина Ивана Дмитриевича, который помогал ей поднимать детей. Был хорошим отчимом.

Дом Кузнецовых стоял на углу улиц Салмашовка и Залив, на возвышенности, недалеко от школы. Сейчас улицы Салмашовка (простонародное название улицы) в Березовке нет. Как рассказывают старожилы села (Виктор Леонтьевич Морозов 1932 г.р. и Клавдия Петровна Жданова (22.07.1928–27.07.2012), на этой улице жили крестьяне, которые смазывали колеса телеги салом, чтобы они не скрипели. От словосочетания «салом мазать» якобы и произошло название улицы. Мужиков, живших на этой улице, звали «салмашами».

Дом, где жил Арсений, строили его мать Татьяна Кузьминична и отчим Иван Дмитриевич. Дом получился добротный. По тем временам в нем были большие светлые комнаты, сенцы, чулан. На окошках – ставни, которые на ночь закрывались. Печку отчим сложил сам, так как был отменным печником.

Иван Дмитриевич содержал всю семью, часто ездил на заработки класть печи в соседние села, приглашали его и в Бобров. С заработков возвращался всегда с гостинцами, часто привозил «глыбки» сахара-рафинада. К детям относился хорошо, был добрым и веселым, любил пошутить. Однажды, спустя много лет, Арсений Михеевич, уже известный в районе поэт, приехал в го-

сти к родителям, а Иван Дмитриевич говорит ему: «Сынок, а я тут тоже стихи сочинил, послушай:

Живу я в неволе,
Прикрепили меня к корове.
Утром рано я встаю,
Стеречь корову гоню.
Стерегу с утра до ночи,
Нет у меня больше сил,
И нету мочи...»

Арсений на всю жизнь сохранил добрую память о родительском доме. В его рукописях, в работе над стихотворением «Вот и мы срубили домик свой...», находим откровенное признание поэта:

Ничего не чту, как дом отца,
Хату под соломенную крышей.

Спустя годы в поэме «Возвращение» Кузнецов напишет:

Печальной памяти года...
Я вижу ясно свое детство.
Не шибко жили мы тогда-
Ни постелить и ни одеться.
И возглавлял обед у нас –
Теперь аж по спине мурашки –
Пустой со щуплой редькой квас
В огромной деревянной чашке.

До 1928 года Арсений жил в Березовке, помогал родителям, учился в школе. Школьный друг Кузнецова Федор Жданов 1913 г.р. (старший брат К.П. Ждановой, погиб в 1943 году на фронтах Великой Отечественной войны), жил на соседней улице, которая в простонародье называлась Закладбищенской слободой. Как и полагается друзьям, они много времени проводили вместе. Арсений уже в школьные годы начал писать стихи, читал их Федору, интересовался его мнением. Федор ухаживал за сестрой Арсения – Дарьей. Много лет спустя Арсений Михеевич при встрече скажет Федору Петровичу: «А ведь мы могли породниться!»

В сентябре 1928 года Арсений уезжает из родного дома в село Новый Курлак. Там он поступает в школу крестьянской

молодежи (ШКМ), которая находилась на месте старинной помещичьей усадьбы Станкевичей. Это было незабываемое время – время новых открытий, верных друзей, любви и, конечно же, новых стихов. В поэме «Березовка», написанной в 1966 году, находим строки об этом прекрасном и беззаботном времени:

Я жил, учился, в тишине взрослея,
В местечке, так похожем на лицей:
Старинный парк, широкие аллеи,
Прозрачны воды, шелест тополей.

В 1931 году Арсений успешно окончил Ново-Курлакскую ШКМ и поступил учиться в Аннинский педагогический техникум, затем в Воронежский учительский институт. По окончании учительского института Арсений Михеевич около 20 лет преподавал русский язык и литературу в сельских школах Аннинского района: в поселке Красинский, в селах Мосоловка, Нащедино, Левашовка. Работал директором Левашовской восьмилетки. Из Анны на работу добирался зимой на лошади, летом ездил на велосипеде, иногда ходил пешком.

Анна стала второй родиной поэта, которую он полюбил всей душой. Здесь он любовался «стройным рядом ветелок», слушал «раскаты соловья», черпал вдохновение. Одно из лучших своих стихотворений Арсений посвятил родному поселку. Это стихотворение «Анна». В нём есть искреннее признание поэта:

Милее нет тебя, красивей,
Ты лучший уголок России
На древних склонах к Битюгу...

Арсений Кузнецов – поэт-лирик. В своих стихотворениях он наделяет природу живыми образами: одуванчик «раскрыл ресницы золотые», степи «прохладой дышат», луна «плывёт»... К реке он обращается: «Битюг! И счастье, и горе ты разделял со мной, как друг». Поэт разговаривает с соловьем, с ветром. Он чувствует себя частицей природы, свою неразрывную связь с ней. Природа обязательно присутствует в его стихах социального характера.

«Все стихи А. Кузнецова о природе – это призыв бережного, заботливого отношения к ней. С добрым намерением от-

носился к род-ным краям поэт, чтобы лучше познать, чтобы рассказать людям, какое же богатство их окружает, и как нужно любить и оберегать родную землю. Можно быть равнодушным к пению птиц, к цветущим деревьям весной. Мало того можно и равнодушно написать об этом, не затронуть душу читателя. По-другому это делает А. Кузнецов. «Сильное чувство поэтического слова, безупречный поэтический вкус избавляли его от душевной сентиментальности, литературных штампов», – так отзывался о творчестве А.М. Кузнецова заслуженный работник культуры, журналист Анатолий Николаевич Свиридов, вместе с которым Арсений Михеевич несколько лет работал в аннинской районной газете.

С поселком Анна поэт надолго связал свою судьбу: тут он же-нился, создал семью. На улице Гоголя вместе с женой Клавдией Ивановной построили дом, посадили молодой сад, на меже выкопали колодец. Родились дети: Алексей (10.04.1942–03.10.1968), Галина (27.10.1944 г.р.) и Владимир (30.08.1950 г.р.). Клавдия Ивановна (07.01.1919–05.08.2001) работала учителем начальных классов в Аннинской школе № 5. Была очень добрым и отзывчивым человеком.

Работая в школе, А.М. Кузнецов одновременно сотрудничал с аннинской районной газетой «Коллективный труд», затем был руководителем литературного объединения при редакции газеты «Ленинец». В те годы в слове «Анненский» (район) писали букву «е». Арсений Михеевич, будучи очень грамотным человеком, настоял на том, что правильно надо писать: «Аннинский» – через «и».

В редакции районной газеты А.М. Кузнецов обрел новых друзей и коллег по творчеству. Это Н.К. Фомичев, С.М. Борзунов, П.И. Мартынов, А.Н. Свиридов, А.И. Забела, Д.Г. Степанов... Многим из них Арсений Михеевич посвятил свои душевные строчки. Например, поэму «Березовка» и стихотворение «От зари до самого темна» поэт посвятил Фомичеву Николаю Константиновичу, учителю, преданному другу, который жил и работал в соседнем районе. Также Арсений Михеевич очень дорожил дружбой со Степановым Дмитрием Георгиевичем, учителем математики Аннинской восьмилетки № 1. К его 50-летию в газете «Ленинец» журналист А. Кузнецов написал статью «Сло-

во о друге». Не случайно статья называется именно так, в ней Арсений Михеевич пишет: «Пятьдесят лет, более половины из них я, так или иначе, связан с Д.Г. Степановым». Д.Г. Степанов – один из тех друзей, кому Арсений посвящал и стихи.

Во время отпусков Арсений Михеевич вместе с семьей часто приезжал в Березовку к родителям, обязательно старался «побродить по тропинкам юности», встретиться с земляками. Каждая такая поездка обогащала поэта новыми впечатлениями, давала ценный материал для творчества.

Например, поэма «Березовка» представляет собой лирическую зарисовку – объяснение в любви к родному краю; причастность поэта ко всему, что происходило в начале прошлого XX века в родном селе.

Описание Березовки пронизано счастливыми («Я приезжал, веселый и счастливый, на лето, на каникулы домой»), а порой горькими воспоминаниями детства, когда и «хлеба-то не ели вволю». В поэме раскрывается и личность автора, и место, где он родился и вырос: «И мне она, Березовка, как веха, она – и старт, она – и финиш мой». Когда же говорится о селе, то над описанием красоты родного края преобладает повествование о трудной жизни сельских мужиков, которые «пахали землю и поля косили, а сыты не бывали никогда».

Чтобы нарисовать достоверную картину жизни и быта крестьян начала XX века автор использует слова и словосочетания тех времен: «спокон веков», «повсюду клин», «распояской», «портки», «цеп», «зипун», «лукошко», «кринки», «плетень» и др.

В поэме используется «окольцованная» композиция - общая оценка в начале, то же – в конце, с экспрессивным повтором тематических слов «Березовкой село назвали предки». Кольцевая композиция выражает идею о непрерывности жизни.

У Арсения Михеевича было много друзей, в том числе по лите-ратурному цеху. Среди них – председатель Союза писателей Константин Локотков и поэт Анатолий Жигулин. С Николаем Михайловичем Якушевым (16.12.1916–15.04.1983) А. Кузнецов познакомился в Воронеже в годы учебы в Воронежском учительском институте. Между ними завязалась настоящая дружба, которую они сохранили на всю жизнь.

В конце 30-х годов прошлого века Н.М. Якушев и А.М. Кузнецов являлись внештатными сотрудниками областных газет «Коммуна» и «Молодой коммунар». Однажды редактор в одной из газетных статей допустил nepзволительную опечатку. С этой опечаткой областная газета появилась в киосках «Союзпечати». Всех сотрудников газеты арестовали, в результате чего Н.М. Якушев был осужден по 58 статье и сослан в Сибирь, где провел в лагерях 15 лет. А.М. Кузнецов тоже был арестован и 12 месяцев (с апреля 1938 по апрель 1939) находился под следствием. После проведенных следственных мероприятий А.М. Кузнецова реабилитировали. В постановлении об освобождении из-под стражи сказано: «Принимая во внимание, что расследованием добыто недостаточно уликовых данных для предания суду Кузнецова, а свидетельские показания (фамилия свидетеля стёрта) не конкретизированы и имеют общие суждения, и поэтому, руководствуясь ст.204 п. «б» УПК следственное дело № 7837 по обвинению Кузнецова Арсения Михеевича по ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР производство прекратить, обвиняемого Кузнецова А.М. из-под стражи освободить, дело сдать в архив 1-го Спецотдела УГБ УНКВД по Воронежской области».

В «Воронежской историко-культурной энциклопедии» в статье о Кузнецове А.М. написано: «Был необоснованно репрессирован».

Многое пришлось пережить в этот страшный год матери поэта Татьяне Кузьминичне, сёстрам и любимой девушке Клавдии Соломатиной. Страх за родных и семью долгие годы преследовал поэта. Из рассказа близких родственников поэта стало известно, что брак А.М. Кузнецова и К.И. Соломатиной долгие годы был гражданским, все их дети родились в гражданском браке, и лишь только после смерти И. Сталина в середине 50-х годов супруги официально зарегистрировались.

С 1954 года Н.М. Якушев жил и работал на Юршинском острове в Рыбинском море. Писал письма в Анну. В феврале 1965 года Николай Якушев пишет другу: «Очень это неприятно, Арсюша, сознавать, что мог сделать и больше и лучше, а вот не получилось. Да, что об этом писать, ты ведь сам хорошо понимаешь меня: пятнадцать потерянных лет – это почти то же самое, что потерянная жизнь. Жалко их до невозможности и не

столько жалко то, что прошли они для меня и для здоровья собачьему, сколько жаль ненаписанных строк».

А в 1969 году Н. Якушев прислал А. Кузнецову свой сборник стихов «Высокий берег», на первой странице красивым почерком сделал надпись: «Милому, незабываемому другу Арсению Кузнецову, в память о днях нашей юности, о наших песнях и обо всем, о чем забыть нельзя. Н. Якушев. Рыбинск. 09.10.1969 год». (Он еще не знал о том, что А. Кузнецова больше нет: в мае 1968 года сердце друга остановилось). В сборнике есть стихотворение-обращение к Арсению:

Не верь, что мало жить осталось –
Живи полней и горячей.
Нам нет лимита на усталость
И на сомнения – ночей!
И ценность жизни человека
Определяется всегда
Не продолжительностью века,
А мерой страстности труда.
Владея песен звонким даром,
Забудь про то, что есть покой.
За каждый час, прошедший даром,
Мы платим мертвою строкой.
Ни отступленья, ни отсрочки
Твое не знает ремесло.
Ведь без твоей сердечной строчки
Кому-то в мире тяжело.

При жизни А.Кузнецова были выпущены три сборника его стихов – «Лирика» (1956), «Журавли летят» (1960), «Отрада» (1968). Спустя 16 лет после смерти поэта, в 1984 году, Воронежским Централно-Черноземным книжным издательством был выпущен четвертый сборник «Родные дали».

Как и многие поэты, Арсений Кузнецов предчувствовал свою кончину. В одном из последних его стихотворений есть такие строки:

Боюсь я более всего,
Что вдруг скончаюсь ни с того
и ни с сего:
За чашкой чая поутру

Вдруг ни за что и про что что умру.
Или, идя в звенящий луг,
Я упаду – откажет сердце вдруг.

Предчувствие не обмануло поэта – он умер от остановки сердца 2 мая 1968 года, возвращаясь с работы по дороге домой.

А.Н. Свиридов в статье «Поэт Арсений Кузнецов» писал: «Весна. Кругом стена цветущих деревьев. По вечерам влюбленные юноши несут своим подругам целые охапки цветов. Ночью ошалело поют соловьи. Днем над колхозными полями не смолкает песнь жаворонка. Жизнь продолжается. И трудно верить, что Арсения Михеевича Кузнецова, который так горячо любил природу, воспевал её, нет в живых. Кажется, вот-вот откроется дверь, и он с улыбкой войдет в редакцию, и будет радоваться новым стихотворениям, опубликованным в областных газетах или, наоборот, возмущаться, какую «чепуху» напечатали. А потом тихо прочтет свои новые стихи... Но, к сожалению, чудес нет. Арсений Кузнецов умер. Но, к счастью, остались жить его стихи, полные лиризма, любви к отчему краю».

Прошло почти полвека, как нет А.М. Кузнецова, но его творчество живет, радует и вдохновляет: осенью 2009 года преподаватель Аннинской школы искусств Тамара Сергеевна Тарасова написала музыку на стихи А. Кузнецова «Родина». Стихи А. Кузнецова звучат в школах района, на краеведческих конференциях... А значит память о поэте и журналисте Арсении Кузнецове жива.

Дорогие читатели!

Оставляем вас наедине с творчеством Арсения Кузнецова, задушевно, трогательно, щемяще до слез воспевшего нашу малую родину. Внимательно вчитайтесь в его стихи. Посмотрите на мир его глазами. И пусть над вами долго-долго поет жаворонек в поднебесье, и далеко за горизонт в светлую даль уходит ваша счастливая дорога!

*Лариса Ивановна АКСЕНОВА,
учитель русского языка и литературы
Березовской школы, краевед,*

*Галина Васильевна ШАТУНОВА,
советник департамента образования, науки
и молодежной политики Воронежской области*

ЖАВОРОНОК

Погожий день высок и звонок.
И, кажется, идя на взлет,
Один и тот же жаворонок
На всем пути твоём поет.
Куда б ни шел ты иль ни ехал,
Он, неразлучный спутник твой,
Довольный песенным успехом,
Звенит, звенит над головой.
Жарой ли полдня утомленный,
Идешь искать родник степной,
Иль под навесом стройных кленов
Пережидаешь летний зной,
Или, любуясь далью светлой,
Следишь, как облачко плывет,
А он, уже едва заметный,
Стремится в небо и поет.

ХЛЕБ

Здесь было тихо в полдень знойный,
Дремали тучные поля,
И лишь шушукался довольный,
Ячень, усами шевеля.

Да жаворонок в поднебесье,
Чтоб тишины не разбудить,
Своей почти неслышной песни
Тянул серебряную нить.

Но все заметней нива зрела –
Июлю многое дано, –
Уже проклюнулось, глазело
В граненом колосе зерно.

И вот комбайны гулом ровным
Ломают тишь. Пора! Пора!
Как золотая россыпь, зерна
Ложатся горкой в бункера.

Как в праздник, шум и говор всюду,
Не молкнет долго тракт степной...
Но никогда я не забуду
Такой же день поры иной.

...Отец и мать дорогой длинной
Пришли в томящий зной полей,
К своей полоске ржи поlynной,
К своей судьбе, к беде своей.

Отец привычно помолился,
Потом сказал: «Ну, что же, мать,
Неважный хлебушек родился,
А все же время убирать».

И на меня с такой тоскою,
С такою болью бросил взгляд,
Как будто в чем предо мною
Он был и вправду виноват...

Давным-давно все было это.
А нынче – погляди кругом:
Идут с рассвета до рассвета
Машины, полные зерном...

АННА

Осенним утром даль туманна,
В росе пожухлая трава.
Ах, Анна, Анна, знаешь, Анна,
Ты так любима и желанна,
Что кругом ходит голова!
Ах, Анна, Анна, мой поселок,
Моя любовь и боль моя,
В низинах стройный ряд ветелок,
В них на рассвете ветер звонок,
В садах раскаты соловья.
Я описать тебя не в силе,
Я лишь одно сказать могу:
Милее нет тебя, красивей,
Ты лучший уголок России
На древних склонах к Битюгу.
Ты лучший уголок России.
Твои дуга, поля, леса
Обильно росы оросили.
А сколько сини, сколько сини
Хранят твоих озер глаза!
И вся ты встала предо мною
При слове «Родина» в тот час,
Когда пошли на нас войною,
Чтобы рабами сделать нас.
Горжусь нелегкою судьбою
И не солгу, когда скажу:
Не трусил я в порыве боя
И потому перед тобою
Высоко голову держу.
Битюг! И счастье, и горе
Ты разделял со мной, как друг,
Я шел к тебе со спазмой в горле,
С восторгом и обидой горькой, –
Спасибо же тебе, Битюг.
Ты был со мной по-братски ласков,

Любви к тебе не утаю.
Ты слышал мирный рог подпаска,
Красноармеец черпал каской
Струю студеную твою.
Пусть время вертит неустанно
Годов глухие жернова,
Ты мне по-прежнему желанна
В венке лесов, родная Анна,
Моя душа тобой жива.

ОТРАДА

Пожить на таком бы месте,
Чтоб видеть я утром мог,
И жаворонка в поднебесье,
И поезда дальний дымок.

Чтоб четверть часа, не боле,
Истратить, оставив дом, –
И поле, широкое поле
Тебя обступило кругом.

И нету милее отрады,
Дороже для сердца – не лгу, –
Чем видеть, как тучное стадо
Пасется на дальнем лугу.

Пожить на таком бы месте,
Чтоб сразу за садом, ничей,
Заросший осокой, как в детстве,
Дарил мне прохладу ручей.

Чтоб видел я леса опушку,
Чтоб после дневного труда
Я слушал, как где-то кукушка
Кому-то считает года.

Чтоб слушал, как иволга плачет,
Скрываясь в густую листву.
Хотел бы вот так, не иначе
Пожить, как сегодня живу.

ВЕСНА

Давно отшумели метели,
И небо горит синевой.
Вот птицы повсюду запели
Над вешней моей стороной.

И степи, где ветры трубили
В бескрайних просторах снегов,
Открыли свои голубые
Глаза полноводных прудов.

Повеял едва различимый
Бензиновый запах с полей.
Легко над страной любимой
Летят косяки журавлей.

Мы знаем: и завтра станет вчерашним,
В века отошедшим, померкнувшим днем,
Но нашим делам, но подвигам нашим,
Как ныне, гореть животворным огнем.

Как правду, как доблесть, как честь и отвагу,
Увидит потомок, счастливый вполне, –
И почерк военный на стенах рейхстага,
И мирный наш герб на далекой луне.

Я этот холмик с детства помню
И не забуду никогда.
Давным-давно мы летним полднем,
Играя, бегали сюда.

Смотрели мы его с его вершины,
У нас захватывало дух:
Родные, милые картины
Пред нами открывались вдруг.

И, глядя вдаль степных просторов,
Мы постигать уже могли
Среди забав и детских споров
Всю красоту родной земли.

С волненьем поклонись ей низко
И на заветный холм взойди –
Почудится, что детство близко:
Аукнется, того и жди.

Пусть оно в тумане скрылось
И, знаю, не вернется вновь...
Но здесь впервые зародилась
Святая к Родине любовь.

КЛЕН

Сколько бурь пронеслось над страной,
Над моею любимой Отчиной!
Но я верил, что снова с тобой
Мы когда-нибудь встретимся в жизни.

Из тумана навстречу мне,
Милый клен мой, ты первый вышел.
Я твой шелест в чужой стороне,
Где бы ни был, повсюду слышал.

Знаешь ли, что сюда не придут
Вслед за мною мальчишки оравой,
Что когда-то играли тут
Под ветвями твоими на травах.

Как шумишь ты могучей листвою,
А они возмужать не успели, –
Пали в жарком бою под Москвой,
Грудью встретив стальные метели,

Чтобы Родине снова цвести,
Словно саду в начале мая...
Погрусти ты о них, погрусти,
Пожелтевшие листья роняя.

Я стою у твоей кровати,
В серой шапке,
В шинели – солдат.
На плечах у меня плащ-палатка,
Через грудь – боевой автомат.

Кратко время от боя до боя...
До свиданья, мой сын. Не верь,
Что сейчас, уходя, за собою
Навсегда я закрою дверь!

Если вдруг от тяжелой раны
Упаду я под шквалом огня,
Я услышу тебя и встану, –
Только ты позови меня!

Здесь все родное: нивы и дубравы,
И тень от облачка, и свист перепелов,
В лугах высокие, почти по пояс, травы
В манящих огоньках колеблемых цветов.

Ты смотришь просто так на дальний тот пригорок:
Что он тебе, открытый всем ветрам?
А я гляжу, гляжу, не отрывая взора, –
Мальчишкою себя сейчас увижу там.

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ-ЗЕМЛЯКУ

Он не погиб,
Сраженный вражеским снарядом,
Среди живых
Он навсегда живой:
В нетленной бронзе,
Вновь с открытым взглядом
Стоит в саду
Высокий, молодой.

Он, кажется,
Из дома только вышел,
Закрыв послушную калитку
За собой,
Глядит вперед
И всею грудью дышит,
Любуясь далью,
Неба синевой.

Здесь каждому
Его знакомо имя,
О нем рассказы
Малыши твердят.
Вот он сейчас
Их на руки поднимет,
Играющих у ног его,
Ребят.

И сам расскажет им,
Как долго длился
Неравный бой
С фашистом за селом...
Он не погиб,
Он только насмерть бился
И лишь на миг
Забылся крепким сном.

РОДНОЕ ПОЛЕ

Красоту твою иные
Не заметят, может статься, –
Я, наверно, не устану
Век тобою любоваться.

Что он значит для другого,
Старый клен, едва приметный,
Что в лазоревое небо
Пожелтевшей машет веткой?

Милый край. Родное поле!
Я влюблен в тебя с рожденья.
Здесь беру свои я силы,
Радость, счастье, вдохновенье.

Эти песни, что пишу я,
Ты давно мне нашептало
Тихоструйной светлой речкой,
Нивой, лугом, красноталом.

ПОКОС

На зорьке травы еле-еле
Шумят в тяжелых каплях рос.
А знаешь ли, и в самом деле,
Денек-другой – начнем покос.

Отрадны мне часы работы,
Веселой, дружной, боевой,
Косы сверкающие взлеты
Над настороженной травой.

Когда сиреневым пожаром
Охватит вечер все кругом,
Мы сядем рядом с кашеваром,
И вспыхнет песня над костром.

Заснешь, ее теплом согретый...
Люблю степные вечера.
И с первой птицей в час рассвета:
«А ну, дружки, вставай. Пора!...»

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Как по талому снегу след,
Проступает в окнах рассвет –
Утра раннего первая весть,
Ты в хорошем предчувствии весь.
Птицы солнце встречают звеня,
Возвещая начало дня.
Этот день тебе будто знаком:
С полупесенным говорком,
С голубым огоньком в очах,
Ростом взял и широк в плечах.
Он встает – безупречен и прав –
Чуть пропахнувший запахом трав,
В поле желтом встает за штурвал,
Где пшеница – за валом вал –
Бьет в комбайна упрямый борт,
Плава жаркой волной горизонт.
Он хорош, этот день, во всем,
Пусть спецовка груба на нем,
Пусть в царапинках руки пока,
Пусть пылью припудрен слегка,
Пусть немного в мазуте лицо –
Он хорош: молодец-молодцом!

АГРОНОМ

Еще не все погасли звезды,
Еще восток был медно-тускл,
Еще молчали в роще гнезда,
Еще к реке не хожен спуск.

Заря очнуться не успела
От сновидений-небылиц,
Глядела на поле несмело
Сквозь сетку трепетных ресниц.

Еще была довольно мелкой
Росы брусника в этот час,
Она еще не скоро с ветки,
Отяжелев, осыплет нас.

А ты уже средь нивы спелой,
Где и в помине нет межи,
Стоишь в простой рубашке белой
И гладишь, гладишь поле ржи.

Колосья рады этой встрече:
Тебе, как будто в забытии,
Кладут доверчиво на плечи
Головки чуткие свои.

ДОРОГА

Высокие липы дремлют
В безветренный летний день
И щедро на теплую землю
Бросают узорную тень.

На глади прямой и надежной
Откуда-то сразу возник
И с песнею молодежной
Промчался, гремя, грузовик.

Дорога! В юности, помню,
Совсем ты иною была:
Жара беспощадного дня
Томила тебя и жгла.

Куда ты тогда уходила?
Кого ты вперед звала?
Да, путникам трудно было
Брести от села до села.

Теперь даже в знойное лето
Ты манишь прохладой своей
И кажешься праздничной лентой
Среди золотистых полей.

АВГУСТ

Роняет август спелый плод –
Отяжелели ветки сада.
Над полем утренним плывет
Голубоватая прохлада.

И вот уже в последний раз
Идет комбайн пшеничным клином.
И в небе жадно ищет глаз
Осенней стрелки журавлиной.

Н.К. Фомичеву

С зари до самого темна
И в час полночных снов,
Я помню, по полю одна
Бродила музыка без слов.

Как Родины степной простор,
Ее я в сердце берегу.
Но до сих пор, но до сих пор
Найти слова к ней не могу.

О ЧЕМ ПОЕШЬ ТЫ?

О чем поешь ты этим утром ранним?
Движенье губ, но слов не разобрать.
Весь в голубом и радужном сиянье
Из края в край степной простор видать.

Играет ветер зыбью нивы спелой
И нежно треплет светлый локон твой.
Хочу сравнить концы косынки белой
С полетом быстрых чаек над водой.

О чем поешь ты? Сердце подсказало
Слова, что в жизни не найти верней.
Сегодня ты впервые у штурвала...
Так пой же, пой о радости своей!

Николаю Якушеву

Что-то редко мы пишем друг другу,
Разве дружбу забыли былую?
Словно птицы над скошенным лугом,
Я по письмам твоим тоскую.

Понапрасну я жду почтальона,
Только ветер холодный и мглистый
Посылает мне с дальнего клена
Пожелтевшие осени листья.

ДРУГУ

Ты уходишь медленно. С тобою
Расстаемся. Пусть не в первый раз.
Приутих, склонившись головою,
Густолистый у дороги вяз.

Знал он наши чаянья и мысли,
Грусть и радость разделять умел:
То играл он бахромою листьев,
То сурово на ветру шумел.

С ним дружили, вырастали вместе
В сельской, сердцу дорогой тиши.
Будем ждать мы от тебя известий, –
Напиши, ты слышишь, напиши!

Ты уходишь медленно. Фуражкой
Машешь нам, скрываясь вдалеке,
В белоснежной вышитой рубашке,
С легким чемоданчиком в руке.

К тебе я вышел утром рано
Знакомой тропкой полевой,
За нежной дымкою тумана
Звучал неясно голос твой.

Река в дремоте чуть струилась,
Не нарушая тишины,
Лишь песня, помню, доносилась
То стой, то с этой стороны.

Легко идти порою ранней
По полю вешнюю тропой,
Услышав в розовом тумане
Меня зовущий голос твой.

Я жду тебя на перекрестке
Безлюдных, сумрачных дорог.
Метель метет, и ветер хлесткий
Едва меня не валит с ног.

Стою. Кругом ни зги не видно.
В снегу от шапки до подошв.
Все это же не так обидно, –
Обидней, если не придешь.

Где ты скрылась от меня,
Смешливая девчонка?
Очи – ярче огня,
Короткая челка.

Повстречались у ручья
Сразу за околицей,
И хотел было я
С тобой познакомиться.

Рассмеялась и легко
По траве шелковой
Убежала далеко,
Не сказав ни слова...

То ль ручей поутру
Пел, сливаясь с речкой?
То ль звенели на ветру
Твоих волос колечки?

Это дворик в зелени сирени,
Распустившей ветви за года,
И крыльца высокие ступени
Сохраню я в сердце навсегда.

Здесь жила девчонка-недотрога,
Тихая, как песня вдалеке...
Помню я прощанье у порога,
Одуванчик маленький в руке.

Снова, будто в голубом тумане,
Вижу это старое крыльцо,
И цветы на легком сарафане,
И простое милое лицо.

Я сегодня прохожу, как прежде,
Мимо дома, где она жила,
Только уж без трепетной надежды,
Той, что сбыться так и не могла.

Сад отцвел. Но не печалься ты:
Он все хорош, хоть облетели все цветы.
Ведь соловей, ты слышишь, не умолк,
А он в любви-то понимает толк.

Только я подошел к порогу –
Свет погас. Никого. Тишина.
Что же мне: постоять немного
У потухшего рано окна?

И поверить в нелепость такую,
Что она, проснувшись чуть свет,
Будет долго искать, тоскуя,
Мой пургой занесенный след?

Тихий домик стоял на пригорке.
Никого ни за что не виня,
Я ушел с утешеньем горьким:
Видно, здесь и не ждали меня.

За рекою, на той стороне,
Кто-то песню сложил обо мне.

Я не против, я песни люблю,
Я сама их немало пою.

Если петь – так зачем про одну,
Если честь – так всему звену.

А потом, за рекою там,
Не уступят девушки нам...

Не пурга заставила
В твой домик завернуть,
Не с пути он сбился,
Хотя был труден путь.

Но ты его не спрашивай,
Пожалуйста, пока,
Мол, по какому случаю
Пришел издалека?

Как будто так и надо,
Не огорчай его,
Он все равно не сможет
Ответить ничего.

Еще тебя прошу я:
Не делай строгих глаз.
И этого довольно
С него на первый раз.

Перед тем, как мне уйти в дорогу,
Помнится, такою ты была:
Чтоб обнять, – казалось слишком строгой,
Чтоб сдержаться, – очень уж мила.

Много раз траву меняло поле,
Сад – листву, зеленый луг – цветы.
Пусть тебя я не увижу боле,
В сердце у меня осталась прежней ты.

Позабудь, что так много значило, –
Будто все это было во сне,
Будто не было слишком обманчивых
Лунных стежек в саду по весне,

Будто слышал ты в час свиданья
Под шальной соловьиный щелк
Не мое, а чье-то призвание,
Не тебе, а кому-то еще.

Про милого говорят,
Будто он мальчишка – клад.
Я по-своему сужу,
В нем того не нахожу.
И волнуюсь много дней,
Сердце беспокоится:
Почему в любви своей
Он мне не откроется?
Сколько дней молчит подряд...
Глубоко, как видно, клад.

Давней памятью сердце богато,
Не забуду я до сих пор,
Как потупилась ты виновато,
Отведя потемневший взор.

Будто с первого знала свиданья,
Будто видела ясно вполне,
Сколько ты принесешь мне страданья,
Сколько мук будешь стоять мне,

Что в разлуке лишусь я покоя,
Неизвестностью долгой томим:
Где ты ходишь теперь? Что с тобою?
Кто с тобою? Какая ты с ним?

Но тебя не виню я нисколько.
Да и есть ли за что винить?
Чем бы жил я в разлуке только,
Если бы так не умел любить!

УЛЫБКА

Латышке Аннелите Л.

Осенний ветер с ветки зыбкой
Сорвал листок и вдаль унес.
Ты мягкой дружеской улыбкой
Встречаешь каждый мой вопрос.

Не зная слов моих значенья,
Ты хочешь все в нее вложить:
Привет, догадку, удивленье
И одобренье, может быть.

Я всякий раз ищу предлога,
Твою улыбку полюбя,
Побыть с тобой еще немного,
О чем-нибудь спросить тебя.

Осенний ветер с ветки зыбкой
Унес последние листы...
Какой была б твоя улыбка,
Когда б язык мой знала ты?

Радостно мне и мило
Даже, поверь, оттого,
Что ты проходишь мимо,
Мимо крыльца моего.

Но ожиданьем томимой
Грустно бывает, поверь!
Что ж ты проходишь мимо?
Ведь знаешь: не заперта дверь...

Не сказала я при встрече
Светлой ночью при луне:
– ты не кутай мои плечи –
Без того я вся в огне.

И теперь желаю снова:
Неизвестно почему
Не сказала я то слово,
Что лишь молвят одному.

Промолчала, не открылась,
И печаль туманит взгляд...
Если б снова воротилась
Ночка прежняя назад!..

Облетели сады, облетели.
В голых сучьях – вороний гай.
Белокрылые гости – метели –
Прилетят в наш привольный край.

Выйдешь утром дорожкой хрупкой
С расписным коромыслом к реке,
В отороченной новой шубке
И в пуховом, к лицу, платке.

Не увижу милей и красивей
Средь таких же, как ты, молодежи.
Опушил синеватый иней
Стрелки чутких твоих ресниц.

Губы будто в соку вишневом,
Рдеют щеки зарей золотой.
Загляжусь, залюбуюсь снова
Несравненной твоей красотой.

В МАРТЕ

Порою кажется: не скоро
Дождемся вешнего тепла.
Еще причудливых узоров
Лучом с оконного стекла
Не сводит солнышко полдня...
Бывает так сердит мороз,
Что не представит, не припомнит
Продрогший лес дождя и гроз.

РУЧЕЙ

Ручей, игрив и звонок.
Бежит из всех силенок,
Твердит, струясь под горку,
Одну скороговорку.

В своем пути недолгом
Он, верно, бредит Волгой.
И всей душой стремится
С ее волною слиться.

РЕЧКА

Слышит речка с давних пор:
Про любовь поет ей бор.
Только вот любовь его
Ей не значит ничего.

Убегает она звонко,
В ярких бусах, что девчонка.
Может, там, за поворотом,
Ожидает ее кто-то?

Молод, строен и высок –
Уж не тот ли вон лесок?

ОДУВАНЧИК

Вот одуванчик робкий
Расцвел в саду у тропки.
Раскрыл свои густые
Ресницы золотые:
На все кругом дивится –
Глядит – не наглядится.

ДОЖДЬ

Вот так лил,
Вот так лил,
Землю вволю напоил.
И помчались ручейки
Всюду – веселы, легки.
Он добился своего:
Долго ждали все его,
Ждали именно такого –
Озорного,
Проливного!

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ

По маршрутам, давно изученным,
Возвращаясь ранней весной,
Над лесами, полями, над кручами
Журавли пролетали домой.

Трактористы немного замешкали,
Отведя от машины взор...
И все слышалось вперемежку им
То курлыканье, то мотор.

Неранней осени пора...
Под ветром стройные осины
Янтарным пламенем костра
Горят, горят среди долины.

Над ними журавли летят,
«Курлы» прощальное роняя,
И повторяет грустный взгляд
Простой пейзаж родного края.

Ни долгий путь, ни тьма, ни снег,
Ни буря погасить не в силе
В глаза запавшие навек
Картины милые России.

Ты напрасно, ветер, ропщешь
Возле светлых окон.
Ты же сам поля и рощи
Обнажил до срока.

Было любо в пляс пуститься
Над раздольем ровным,
С тучкой листьев закружиться
Пламенем багровым.

А потом, себя не помня,
Озорства ли ради
Разметал ты горстью полной
Этой тучки пряди.

Ты напрасно, ветер, ропщешь
Возле светлых окон.
Ты же сам поля и рощи
Обнажил до срока.

ЗИМНЕЕ УТРО

Какое утро! Коням на морозе
Наскучило. Берут во весь опор.
Под быстрый бег, под звонкие полозья
Навстречу мне летит степной простор.

И кажется, что сказки лучше нету:
На солнце снег в слепящих искрах весь.
Чуть слышен шорох белоснежных веток
Деревьев, мною выращенных здесь.

Я в них души, как говорят, не чаял.
Выхаживал немало лет подряд.
К ним ветер добр: едва-едва качает,
Чтоб не сорвать серебряный наряд.

СЫНИШКЕ

Совсем недавно ты по коврикам-дорожкам
С трудом переставлял свои босые ножки.
Задача нелегка, стараний было много,
Но ты достиг далекого порога.

Потом в саду за грушей тонкой
Ты прятался, крича мне звонко-звонко:
«Ищи, ищи!» а я как будто не найду,
Хотя ты в трех шагах и вовсе на виду.

И вот теперь слежу я за тобою,
Как ты бежишь к друзьям открытою тропею.
Тропинки все длинней, длинней день ото дня
Все дальше, дальше ты уходишь от меня.

У ШКОЛЫ

Пусты в саду беседки.
Прохладен ветерок.
И листья роем с ветки
Слетают на песок.

Куда б ты взгляд ни бросил,
На все (настал черед)
Свой отпечаток осень
Кладет себе, кладет.

Но слышится у школы,
Где клены встали в ряд,
Задорный и веселый
Немолчный шум ребят.

Вот так же утром вешним,
Вернувшись в край родной,
Трезвонят у скворешен
Скворцы наперебой.

Было так же: середина лета,
Тихий вечер, шорохи ветвей.
И девчонка простенько одета, –
Гонит с пруда медленных гусей.

Ожидал ее мальчишка, сидя
Возле хаты на краю села.
Как она могла его обидеть:
Будто не заметила, прошла!

И сегодня: середина лета,
Тихий вечер, шорохи ветвей.
И девчонка простенько одета, –
Гонит с пруда медленных гусей.

И мальчишка ждет девчонку. Снова
Все как было, было так давно.
Девочка! Скажи ему хоть слово, –
Милое, смешное – все равно!

ДОЧЕРИ

Полянка в розовых цветах,
Как бы в огромных ярких лапах.
Взглянула девочка и: «Ах,
Приехал папа!»

И побежала напрямик,
Неся в руках букет огромный.
Я этой встречи краткий миг,
Наверно, вечно буду помнить.

Повисла на плечах моих,
Даря цветов душистый запах.
Дороже нету слов простых:
«Приехал папа!»

Во сне мне видится дорога –
Зовут родимые края –
И женщина с прической строгой,
Жена, ровесница моя.

И те, кому я столь же дорог,
Но по-другому, – дочка, сын,
Кому б теперь игрушек ворох
И сказок короб не один!

НОЧЬЮ

Ночь пришла, и тихо стало.
Только я не сплю один.
За день кончив дел немало,
Отзвенел мой меньший сын.

Рядом с койкою героя –
Клещи, гвозди, молоток.
И подумал я, не скрою:
«Будет плотником сынок».

На картине сад весенний
Им в цвету изображен.
И решил я: «Без сомненья,
Живописцем станет он».

Поглядел: под табуретом
Паровоз «ФД» стоит,
Блещет краской. Но при этом
Я, ей-богу, с толку сбит.

Спит сынок, ресницы смежив,
Интересно бы узнать:
Что ему вдобавок снится?
Кем еще он хочет стать?

Ну что в тебе? Лишь ветра свист,
Лишь птиц покинутые гнезда,
Лишь под ногами желтый лист
И до озноба мгlistый воздух.
Уж, видно, так мне суждено –
С судьбой своей не разминуться:
Уйду, но буду все равно
Опять душой к тебе тянуться.

Стояла ночь на грани утра.
О берег тычась, не спеша,
Луна плыла лодчонкой утлой
Под легкий шелест камыша.

Летели гуси по-над речкой.
Всходил рассвет, румян и тих...
Коль суждена ружью осечка –
Случись, осечка, в этот миг!

То в гору тропка шла, крута,
То падала с горы отвесной.
Душа как будто заперта
На семь замков квартиры тесной.

Сидит, печальница, одна,
Сидит, кручинится не к делу.
А за окном шумит весна,
Стучит по стеклам веткой белой.

Пусть мир еще не вовсе рай,
Но в общем он хорош и светел.
Взыграй, весенний вихрь, взыграй,
Срывай глухие двери с петель!

Что весел, мой соловушка?
Нашел средь поля зернышко.
И выпил мой соловушка
Росинку всю до донышка.
И целый день соловушка
Поет, не зная горюшка.

Безветрие, безмолвие, и ни души вокруг.
Медлительно за кругом новый круг

Выводят коршуны. Ни пенья птиц, и ни
Кузнечиков дотошной трескотни.

Не заиграет поле зреющей волной,
Разглажено, как скатерть, полдня тишиной.

Еще не завтра жатвы наступает срок,
Еще не прокален, как надо, каждый колосок.

А уж комбайнеру ни сна и ни еды:
Никак желанной не дождется он страды.

Выходит в поле. Тишь. Безветрие. Жара.
Не терпится: «А может, начинать пора?»

Я выпью с радостью за вас,
За вашу светлость, о березы,
За вашу стать, за ваши косы,
За этот утра звонкий час.

Я выпью за поклон цветка,
За эти аржанные волны,
Я выпью пригоршнею полной
Живой воды из родника.

Здравствуй, в самом начале
В поле рассвет голубой,
Незнающие печали
Жаворонки над головой.

Здравствуйте, юркие стежки,
Ветлы, наклоненные к реке,
Здравствуйте, словно сережки,
Росинки на каждом листке.

Ветер рассветный, здравствуй,
Песенник и говорун,
Высокой травой вихрастой,
Цветами вешними юн.

Веешь ты прямо в душу,
Широк твой в поле разбег.
Здравствуй, рожок пастуший,
Здравствуй, доярок смех,

По-утреннему бодрый,
Чуть-чуть с хрипотцой пока.
Здравствуйте, полные ведра
Пенистого молока!

В ЛУГА, В ПОЛЯ ИДУ

Родная степь. Ей нет конца-предела.
Едва пробился первый луч, иду
С открытой головой, в косоворотке белой,
У ветра и мечты на поводу.
Иду, иду, не налюбуюсь, будто
Все в первый раз, гляжу во все глаза,
Здесь слушал я когда-то, как побудку,
На тихой зорьке птичьих голоса.
Зачем мне резвые автомобиля шины?
Подумаешь, какая благодать!
Чтоб все кругом смешалось, мельтешило,
Чтоб красоты родной не мог я увидеть?
Пешком приятнее и во сто раз милее,
Пешком какой угодно выберешь маршрут.
Вон облачко за дальним холмиком белеет,
Похожее на только что раскрытый парашют.
Вот придорожный куст. Он ждет тебя любовно,
Зеленое внизу раскинув полотно.
Иду к нему, остановлюсь – и словно
Мы с ним друзья, приятели давно.
Зеленый луг. Пасется мирно стадо.
Закончив дойку, девушки сидят.
От речки стелется белесая прохлада,
А разнотравья густ и крепок аромат.
Доярки сыплют щедрый град вопросов:
– Ну как живется, слышишь, отпускник?
– Не заболеешь ли, ходя по этим росам?
– Небось от сельской местности отвык?
О, девушки! О них я слышал часто,
Видал в газете групповой портрет,
За них возносят местное начальство,
А им до этого как будто дела нет.
О жизни говорим и строим планы, планы.
В зеленый берег тихо бьет волна.
И кружит коршун в синем небе плавно.

И чья-то песня вдалеке слышна.
И вот уж даль в волнистом зное тонет,
Глазастая на травах высохла роса.
Все стало сразу как-то монотонней:
И краски дня, и птичьи голоса.
Пора, пора! Ведем к концу беседу,
Доярки, что ни девушка, – огонь,
Идут к машине, вот сейчас уедут.
К глазам от солнца козырьком ладонь.
И мне идти все дальше лугом, спелой нивой.
Как хорошо! Я горд и бесконечно рад,
Что чибисы меня не спрашивают: «Чьи вы»,
А – «Здешний, здешний!» – весело кричат.

Золотые прожилки дорог,
Что легли от родного крова, –
Если б только когда-нибудь мог,
Я бы все исходил вас снова.

И пускай мне пришлось бы опять,
Как и было в юности ранней,
Ноги голые в кровь изодрать
О стерню, о колючий гравий,

О шипы, что меня стерегли
В низкорослых кустах прибрежных.
Чьи-то песни звучали вдали
То печально, то бодро, то нежно.

И вставал тогда мир предо мной
И манил меня вдаль ежечасно –
Синий, радужный, голубой,
Полный таинства и соблазна.

И вставал я раньше, чем обычно,
И ходил я дальше, чем всегда.
Пела, пела весело, по-птичьи
Светлая, бессонная вода.

Я хотел попробовать на ощупь,
Что она и как она – заря.
И стоял в заре я, словно в роще,
В желтой роще, роще октября.

РОДНИК

Остановился, весь в пыли,
Горячий грузовик.
Живая речь родной земли –
Журчит степной родник.
Над ним шумели времена
Несметной стаей птиц.
Над ним седая старина
В жару склонялась ниц.
И четко отражались в нем –
Чиста, светла вода –
И древних ратников шелом,
И красная звезда.
И часто появлялся вдруг
Оратай неспроста –
Корявые коряги рук,
Рубаха из холста, –
Чтоб под ветвями посидеть,
Чуть-чуть передохнуть.
И бороды литую медь
Он клал, как щит, на грудь.
Устало, тяжело дыша –
Уж слишком полдень лих, –
Здесь жницы пили из ковша –
Из пригоршней своих.

Шофер машину напоил,
И вновь запел мотор.
О, как он дорог,
Как он мил,
Родных степей простор!

День угасал, звенящий, светлый,
Уже гореть и греть не в силе.
И сумерки холодным пеплом
Запорошить его спешили.

Дохнуло свежестью вечерней,
И травы, потемнев, поникли,
И на листве берез осенних
Лежали солнечные блики.

По синему полю, по синим лесам
Синий туман расстилается – стелется.
Знаешь ли: синим твоим глазам
Мне почему-то не слишком верится.

Не потому ль, что они хороши –
К хорошему часто мы все недоверчивы...
Синий туман в синей тиши,
Синие сумерки вечера.

Август, август, зрелость лета,
Сердцу милая пора.
Все прохладнее рассветы,
Все острее дым костра.

На колхозном поле тише
Гул моторов, даль светлей.
Скоро острый угол впишет
В небо стая журавлей.

Так со мною, сколько живу,
Никогда еще, друг, не бывало:
Не могу объяснить, почему
На душе слишком тихо стало.
И не знает она теперь
Ни восторга и ни печали.
Я окликнуть ее боюсь:
– Ты жива ли, душа, жива ли?

Давно испытана она,
Любовь к родным полям и пашням:
Огнем, гранатой, рукопашной –
Всей чашей горькою – до дна!

Воспоминания цветы
Не меркнут в сердце. Снова, снова
Все той же детской чистоты
Я слышу голос твой, и ты
Мелькаешь в садике вишневом.
Проходишь к речке, весела,
В венке, что вечно не увянет.
Ах, не она ль, как два весла,
И нашу юность унесла, –
Куда – никто того не знает!

Что ж ты так долго не пишешь домой, так долго?
Под утро подушка у матери часто бывает волглой.
Мы счет потеряли утренним зорям, закатам туманным,
Дням и неделям, но нету, все нету тебя, долгожданной.
Рассветы приходят, уходят, сгущаются сумерки, тают.
Но забывают тебя привозить поезда, опять забывают.

Земля дышала утренней прохладой,
Сады звенели, искрилась трава.
Мы шли на бой, и втайне были рады
Весне, вступающей в свои права.

Всходило солнце в розовом тумане,
Теплом и светом обдавая нас,
Но смертный адрес скрытан был в кармане
У каждого солдата в этот час.

Спадает четкий лист кленовый,
Чуть накренясь, как бы скользя.
Неправда, мы сойдемся снова,
Слетимся, съедемся, друзья!

Нам повстречаться ой как нужно,
Дожившим до седых волос!
Я знаю: позывные дружбы
Куда сильнее сигналов SOS.

Николаю Якушеву

Цветы, цветы, цветы вокруг,
И каждый миг мне дорог, дорог,
Но это не весенний луг,
А только лишь цветастый полог.

И я лежу в полубреду.
Но кто же мне рукою машет?
Иду к тебе, мой друг, иду,
Иду сквозь заросли ромашек.

Качает ветер степь, качает и качает.
Глажу окрест, и думается мне:
Здесь не хватает белоснежных чаек
И паруса на вздыбленной волне.

ПОЛЕ

Под тусклым небом поле дремлет.
Гляжу с любовью я вокруг:
И до чего же все тут древне –
И зелены, и желтый луг!

Тумана редкая завеса,
Пологий обнаженный склон,
И дальняя зубчатка леса,
И стая вспугнутых ворон.

И тот курган времен Мамаю,
Реки стальная полоса,
И горка к ней, как встарь, крутая,
И на траве, как встарь, роса.

Лощины, тихие поляны,
И, завершая древний вид,
Чуть выступая из тумана,
Церквушка давняя стоит.

И старый дуб, что схож с Антеем, –
Чуть ветви холодом светло...
А за рекой, взметнув антенны,
Стоит, красуется село.

В селе давно уже не хаты,
Там что ни дом – красив и нов.
Там век двадцатый, век двадцатый
Гудит по жилам проводов.

БЕРЕЗА

Константину Локоткову

Мне говорят соседи часто
Все об одном и об одном:
– Подумаешь, какое счастье –
Растет береза под окном!

Какая от нее, мол, польза.
И сыплют горькие слова,
Она, мол, рано или поздно
Годится только на дрова.

Я этих слов не понимаю.
И что ты сделаешь со мной:
Люблю ее в сережках мая,
Люблю в кудряшках в летний зной.

Когда тебе бывает трудно –
Не только ж легкой быть судьбе, –
Она, как радостное утро,
Мила, приветлива тебе.

Когда тихонько плачут окна,
Когда кругом ненастья мгла,
Когда поникло все, умолкло –
Она нарядна и светла.

Знать, под ее корой лучистой,
Мерцавшей светом серебра,
Струится, бьется чистый, чистый
Источник радости, добра.

И если уж не врут соседи,
Что ей не миновать огня,
Тогда она теплом последним
Согреет ласково меня.

На автостанцию хожу,
Едва-едва рассвет забрезжит,
И все никак не нахожу
Своих друзей среди приезжих.

Толкаюсь час, и два, и три –
Уже давным-давно не молод.
Да где ж вы, черт вас подери,
Заколдовал вас, что ли, город!

По вас грустит Битюг-река,
Луга с рассвета до рассвета.
Да где ж вы, дурни, отпуска
Проводите в разгаре лета?

Опять один домой иду
Тропинкой не заросшею.
О, как же, как же я вас жду,
Мои друзья хорошие!

Кругом безлюдно, тихо стало.
По полю медленно иду.
Лишь где-то трактор запоздалый
Ворчливо тянет борозду.

Дорога звонче и упруже,
Узорный иней на стерне.
И кажется, что зимней стужей
Уже в лицо пахнуло мне.

Навстречу мне или вдогонку
За целый день, как есть одна,
Протарахтит, спеша, трехтонка,
И вот уж скрылась, не видна.

И солнце медною монетой
Повисло. Серо все вокруг.
Кой-где, как отголосок лета,
Голубизна проглянет вдруг.

Проглянет и исчезнет скоро.
Похож на обгоревший пень,
На стог уселся черный ворон,
Крылом взмахнуть, подняться лень.

Река за перелеском дальним.
А может, это не река,
А может, это с битвы давней
Скучает сабля казака?

Иду. Дорога, степь, ненастье.
И сам не знаю, отчего
Я полон ожиданьем счастья
И верой светлую в него.

Вдали поет гармоника,
А здесь такая тишь.
Что ж ты, моя горлинка,
Грустишь?

Будто счастье минуло,
И потерял след.
Ждешь ты, ждешь ты милого,
А его все нет.

Надломилась, хрустнула
На ветру лоза.
До чего же грустные
У тебя глаза.

Затяни ты звонкую,
Сколько хватит сил.
Он тебя девчонкою
Веселой полюбил.

Я по тропкам твоим хожу,
Я по тропкам твоим брожу,
Только душу свою отвою:
Будто снова с тобою дружу.

Если правду всю говорить –
Ничего от тебя не таить:
Мне по тропкам твоим ходить –
Все равно, что отраву пить.

Я нездоров. Уж третий день
В полубреду, в огне.
Не дай подумать, будто лень
Тебе прийти ко мне.

Зеленых веток кутерьма
За окнами сейчас.
Никак не приложу ума –
Что ж ты не кажешь глаз?

Не дай, чтоб я подумать смел,
Что после скажешь вдруг,
Что был завален грудой дел,
Что было недосуг.

Сквозь ярких листьев бахрому
Струится солнца свет.
Но что мне думать, почему
Тебя все нет и нет?

Земную славят благодать
Скворцы на все лады.
Я буду думать, что опять
В командировке ты.

Боюсь я более всего,
Что вдруг скончаюсь ни с того и ни с сего:
За чашкой чая поутру
Вдруг ни за что и про что умру,
Или, идя в звенящий луг,
Я упаду – откажет сердце вдруг.
За стопкой водки, может быть,
Вдруг оборвется жизненная нить.
Нет, жить в борьбе, не раз ходить на смерть
И вдруг так праздно умереть...
Не вяжется...

Скорее, что ли,
Зима, приходи.
Наскучили полю
Дожди, дожди.

С утра, спозаранок,
Гляжу в окно:
Над лугом от галок
Черным-черно.

Не всегда ты, сердце, право,
Ты знаешь часто:
Где отрада, где отравы,
Где печаль, где счастье...

Опять в ожидании строгом
Грядущих пронзительных вьюг
Застыли кусты за дорогой
И поле умолкло вокруг.

Качая крутыми плечами
В чуть-чуть розоватой пыли,
К своим постоянным причалам
Степные ушли корабли.

Природа в раздумье как будто,
Почти необычный покой.
А помнишь весеннее утро,
Цветную зарю за рекой?

Недавно поля еще зрели,
Плодами был осветлен сад,
И вот уже скоро метели,
Того и гляди, зашумят.

Снежинками ветки облепят,
Лаская и сердце, и взор,
Но листьев таинственный лепет
Тобой не забыт до сих пор.

Метель валит, валит такая,
Как говорится, спасу нет.
И ворон, косо пролетая,
Чертит недолгий черный след.

Метель валит, не угасая,
С утра до вечера, густа.
А мне все видится косая,
Косая черная черта.

Хороший денек. Зеленые ели
Сошлись полукругом на ровном снегу.
Они позабыли бураны, метели,
Поземку у ног и шальную пургу.

Стоят в золоченных от солнца одеждах,
Не помня обиды. Светло им, легко,
И снова весенние зреют надежды,
Хотя до весны далеко-далеко.

А ты не волнуйся напрасно,
А ты не печалься зря,
Что догорела, погасла
На синем востоке заря.

И музыкой мир наполнен,
И красками он богат.
Ведь будет еще и полдень,
И яркий в полнеба закат.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Опять в родимые края
Иду, минувшее итожа,
В село, где молодость моя
Стоит заброшенным остожем.

Иду к просторам ветровым,
К лугам, полям, притихшим вербам,
К далеким сверстникам моим –
К друзьям отзывчивым и верным.

II

Стояла низких хат гряда,
Плетни да хилые амбары.
От возрожденных сел тогда
Еще тянуло Русью старой.

Крестьян зажитком обделяя,
В своей разбросанности броской,
Лежали бедные поля,
Изрезанные на полоски.

Печальной памяти года...
Я вижу ясно свое детство.
Не шибко жили мы тогда –
Ни постелить и ни одеться.

И возглавлял обед у нас –
Теперь аж по спине мурашки –
Пустой со щуплой редькой квас
В огромной деревянной чашке.

Отец не горевал о том.
С одной мечтой он свылся крепко.
Бывало, помню, за столом
Твердил он матери нередко:

– В хозяйстве лошадь нам нужна,
Лишь с нею заживем счастливо.
А то всегда у нас нужда,
И жизнь идет то вкось, то криво.

III

Известно, хата не дворец
Под аржаной соломой ржавой.
И слушал на заре отец,
Как чьи-то кони в поле ржали.

Уж, видно, так ему дано,
Что не уснуть под ветхой крышей,
И выходил он на гумно,
Чтоб там яснее ржанье слышать.

Из всех приятных небылиц
Одной он верил небылице,
Что в табуне средь кобылиц
Его пасется кобылица.

Вот мчится степью заревой,
Едва-едва земли касаясь...
Таких, ручаюсь головой,
Еще никто не знал красавиц.

Звенели соловьи в бору...
И различал он четко-четко,
Как вьется, бьется на ветру
Между ушей косая челка.

И что такое: явь иль сон,
Что так преследует упорно?
Вот кобылицу кормит он
Из подола зерном отборным.

В ее глазах огонь зари,
Спокойна, как вода в колодце.
Но, что ни делай, хоть умри –
Надеть уздечку не дается.

Она становится иной,
Подобно стрепету, пугливой,
Когда касаешься рукой
Короткой челки или гривы.

И скачет, скачет во весь дух,
Неумолима и тревожна,
Когда она услышит вдруг
Уздечки звон неосторожный.

Отец шептал, следя за ней,
Не отрывая долго взгляда:
– А все же будешь ты моей,
Моим сокровищем и кладом.

IV

Когда была уже зима
Не за такой уж дальней далью,
Когда в амбары, в закрома
Зерно ложилось скудной данью,

Когда предпраздничный Бобров
Уже кончал со скукой буден,
Когда ворота всех домов
Готов открыть приезжим людям,

Отец из дома шел чуть свет
И рассуждал, направлясь к брату:
– Петрушка не откажет, нет,
Хотя живет и небогато.

И двор не полнится скотом,
И до нови в натяжку хлеба.
(Журавль колодца под окном
Перстом укора поднят в небо.)

– Ты не упрашивай меня, –
Сказал отцу он, – знаю, нужно:
Ведь хлебопашец без коня,
Что воин в поле без оружия.

Я помогу, не поскуплюсь,
И ярмарка, поди, уж скоро...
(В иных конях нуждалась Русь,
Чтоб распахать ее просторы.)

V

Отец купил за сто рублей
Кобылку сивую Помеху.
Но и на ней судьбы своей
Не обогнал он, не объехал.

Да, не сбылась его мечта,
И бедность бедностью осталась.
Недаром кобылица та
Неведомо куда умчалась.

Пускай земля и не плоха,
Но те ж клочки, полоски, межи,
И та же чахлая соха,
Что лишь тебя под корень режет.

Работаешь, трещат бока.
Какая тут, скажи, утеха.
Вся техника у мужика –
В четыре колеса телега.

Какие ни клади труды –
Недаром скорбно плачут выпи –
И как ни бейся, из нужды
До гробовой доски не выйти.

VI

Я уходил в степную даль,
Скрываясь в зыбких волнах зноя.
Нет, не для рифмы, было жаль
Мне покидать село родное.

Родные оставлял места,
Гнал ветер облаков ватаги.
На мне котомка из холста –
А в ней лепешки на юраге.

Твои давно седы виски,
Глаза поблекли, мама, мама!
Чтоб я не гнулся от тоски,
Стояла ты легко и прямо.

VII

Под жарким солнцем тополя
Чуть клонят голову устало.
Зачем ты, шумная земля,
Отцу навек безмолвной стала?

Зачем померкли белым днем
Живые краски трав и радуг?
Теперь прошелся б он селом,
И как же было б сердце радо!

Как удивился бы отец
Тому, что видел он и слышал.
А где же, где ж его «Дворец»
Под аржаною ржавой крышей?

А где на взгорье ветряки?
А где же улица Сурковка,
Что под излучиной реки
Лежала, будто бы подковка?

Где ряд избушек-вековых,
Что так кручинились о ком-то?
Светло-зеленые, как луг,
Дома из трех и больше комнат

Поднялись, душу веселя.
И что такое – быть иль небыль?
Над ними, словно вензеля,
Антенны, вписанные в небо.

На гумнах не стучат цепи,
То ладя, то сердито споря.
Не возят всяк себе снопы
Крестьяне на телегах с поля.

О лошадях заводят речь,
Лишь вспомнив прожитую пору.
Предпочитают тут налечь
Всем сельским миром на моторы.

И песен прежних не поют –
То были раны ножевые, –
Как от погони унесут
Кого-то кони вороные.

VIII

С тех пор прошел немалый срок.
Отцовской хаты нет в помине.
И светлоокон, и высок,
Стоит под тополями ныне

Просторный, жестью крытый дом
С веселой бахромой карниза.
И счастье поселилось в нем.
И верх достатка – телевизор.

Иная здесь живет семья –
Судьба с судьбою так не схожа, –
Иная жизнь кипит. А я...
А я не гость и не прохожий.

Сижу, и просветлен и тих,
Укрывшись от дневного зноя.
Как бы заветного достиг,
Но слишком дорогой ценою.

Струится воздух, свеж и густ,
Играя трепетною веткой.
Как облачко под ветром, грусть
Ушла и стала чуть заметной.

БЕРЕЗОВКА

*Николаю Константиновичу Фомичеву,
другу моему*

I

Березовкой село назвали предки,
Где я родился, беспокойно рос,
Хотя березы и встречались редко:
В селе почти что не было берез.

Наверно, им, тем давним россиянам,
Любившим родину свою до слез,
Село хотелось видеть осиянным
Сияньем яркой белизны берез.

Они хотели, чтобы у порога
С зеленых веток или у крыльца
Лилась бы песнь, способная растрогать
Иль усладить мужицкие сердца.

Еще корягой ковыряли поле
И одолеть не в силах сорняки,
Еще и хлеба-то не ели вволю,
А вон чего хотели мужики!

Своей мечте, как яви, были рады,
Она брала их будто бы в полон...
За тихую в конце села оградой
Моих отцов и предков крепок сон.

II

И мне она, Березовка, как веха,
Она – и старт, она – и финиш мой.
И мне она, Березовка, не эхо,
А голос, кровно близкий и живой.

Здесь жизнь моя берет свое начало,
А в ней всего – удач и неудач.
Здесь мать меня, горластого, качала,
Тихонько пела, а самой хоть плачь.

На белый свет я вышел без опаски,
Перешагнув родительский порог,
Простоволосый мальчик, распояской,
В рубахе самотканой, босоног.

И было все так ясно и так просто,
В широкий мир, открытый предо мной,
Коль было утро – шел тропкою росной,
А если полдень – теплою тропой.

Тянул я руки к солнцу золотому,
Вдыхая жадно запахи полей...
Гляжу-гляжу: встает пережитое
На горизонте памяти моей.

III

Вернулись с пашен мужики под вечер,
Уселись. Разговорам нет конца.
А я, притихнув, слушаю их речи,
Не проронив ни одного словца.

– Спокон веков у матери-России
Несменная попутчица – нужда.
– Пахали землю и поля косили,
А сыты не бывали никогда.

– Работаем, не сберегая силы,
А все – куда ни кинь – повсюду клин.
– Не вытащишь телегу из трясины,
Коль не артельно тащишь, а один.

У каждого в зубах по самокрутке
В мигающей наплывшей полумгле.
Умеючи найдут и место шутке –
Приправу к разговорам о земле.

А кто-то в тишину врезает фразу:
– Как изживешь нужду-то, мужики? –
Вот он стоит, Никита Долговязов,
Ему сто метров мало на портки.

IV

Натянуты души благие струны.
Темнел и мерк далекий горизонт.
– В Лебяжьем, говорят, теперь коммуна
И трактор по прозвищу «фордзон».

– Уж он такую борозду проложит,
Такую пашню сделает, изволь... –
Заерзал кто-то, усидеть не может,
Как будто наступили на мозоль.

– А мы, признаться, жить-то не умеем,
Какой, прости господь, получишь хлеб,
Когда всего-то-навсего имеем
Вот эти руки, да соху, да цеп?

– И век трясем сумой пустопорожней,
А был бы он, с нутром железным конь,
Тогда, как говорится, осторожней –
Ты голою рукою нас не тронь!

Уже все небо полонили звезды,
И холодком тянуло от реки.
Давным-давно заря померкла. Поздно.
А все еще толкуют мужики.

V

Идет спокойно вороной мой Стрепет.
Умолкло всюду. Кончен день труда.
Жара сошла. Прохладой дышат степи,
Горит, мерцая, первая звезда.

В ночное еду в тихий час вечерний,
Уже погас зари последний луч.
Плывет луна, плывет против течения,
Против течения светло-темных туч.

Простоволосый, в зипуне, мальчонка,
Стою, к раките прислонясь плечом.
Стою один и думаю о чем-то.
О чем? И сам не знаю я, о чем.

Все поле обволакивает тенью.
Под скрипку коростеля вдалеке
Стою во власти смутного волнения,
Держа уздечку звонкую в руке.

Блестит роса на ровном к пруду склоне,
Ложится сумрак вкрадчиво вокруг,
Жуют траву, пофыркивая, кони,
Взлетает птица, испугнутая вдруг.

VI

Скрипят напевно шаткие колеса.
Безоблачно, насквозь прозрачен день.
Бежит телега, и ложится косо
От нас с отцом привязчивая тень.

А жаворонок, видно, не устанет
Звенеть, звенеть. Ему уж так дано.
Не прыток конь, но тянет, тянет, тянет
Под стук копыт дороги полотно.

Поля, поля – куда я взгляд ни кину.
И солнце льет своих лучей поток.
– Вон видишь, – говорит отец, – крушину,
Почти что рядом наш надел, сынок.

Мы лошадь отпрягли. Отец повесил
На грудь лукошко с золотым зерно,
Шагнул вперед, перекрестился, весел.
– Ну что ж, – сказал он, – с господом начнем...

Чуть позже подозвал меня: – Рассей-ка
На счастье, мальчик, есть на дне чуток.
К родному полю причастись, Арсенька,
Ты без него что сорванный листок.

VII

Я дом оставил через две недели.
Забыть об этом долго не могу:
Кричали вслед тоскливо коростели,
Клонились низко травы на лугу.

Я жил, учился, в тишине взрослея,
В местечке, так похожем на лицей:
Старинный парк, широкие аллеи,
Прозрачны воды, шелест тополей.

Каким-то чудом уцелел давнишний
Огромный барский двухэтажный дом,
И ценный клад в одной из комнат – книжный
Под немудрящим маленьким замком.

Ах, тот лицей! Я в нем три года прожил
И попросту открою, без затей,
Что школою крестьянской молодежи
Именовался, помню, тот лицей.

И ласковы, и по-отцовски строги –
Да будь добром помянуты сейчас, –
Усердно нас учили педагоги,
Надежды возлагавшие на нас.

VIII

Когда, бывало, колосились нивы,
Когда кончался курс науки мой,
Я приезжал, веселый и счастливый,
На лето, на каникулы домой.

И было мило все: петушьи крики,
И говор баб, и запахи полей,
И кринки, кринки, непременно кринки,
Что вешали на колышки плетней.

Ничем я не был скован или связан,
С открытою душою и прямой.
Но мимо дома под высоким вязом
С застывшею карниза бахромой,

Но мимо окон, голубых, как юность,
Где мог возникнуть легкий силуэт,
Я проходил, робея и волнуясь,
В мои всего тогда пятнадцать лет.

Не встретить мне улыбки и привета,
А где она, та первая любовь?..
Развеял листья старый вяз по ветру, –
Им не вернуться, словно птицам, вновь.

XI

Пора, пора! И с сентября до лета,
Уехав от родительских порук,
Опять я в школе. И читал поэтов,
И постигал премудрости наук.

И сам писал стихи я втихомолку,
Оставив Пифагора, интеграл.
Потом, когда устраивали елку,
Я их довольно сбивчиво читал.

О, хоть недельку, хоть денек пожить бы –
Ничто б на свете я не взял взамен, –
Пожить опять в том самом общежитье,
Средь тех друзей, средь тех светлейших стен.

Кому б теперь из нас, скажи, кому бы
Не захотелось бы прийти туда,
Где все мы Ломоносовы, Колумбы,
Где не бывать нам больше никогда?

Где мы до ночи, сельские ребята,
Наевшись вволю каши, жирных щей,
Вели о жизни жаркие дебаты,
О связи в ней событий и вещей.

Х

И вот уже лежит в моем кармане
Добытый за три года документ.
О юность, юность! В розовом тумане
Бегут дороги, и конца им нет.

И удержаться не хватает силы.
Я ждал и верил, что наступит срок.
Но все меня куда-то относило
От дома, как сорвавшийся листок.

Все реже был в Березовке, все реже
Ходил к реке, в поля, на косогор.
А там уж перепахивают межи
И смертный им выносят приговор.

Беру письмо с голубоватой кромкой.
На штемпеле неполное: «Берез...»
«У нас, сынок, идет такая ломка...
И мы вступили с матерью в колхоз.

В конюшне стало пусто, безнадежно –
Отвел я Стрепета на общий двор.
Живет село и бурно, и тревожно.
Что ж ты глаза не кажешь до сих пор?»

XI

Я забывал и лица понемногу,
И отвыкал от говора сельчан,
Но каждый, кто ни встретит, слава богу,
Меня весьма приветливо встречал.

И снимет шапку, и уступит место.
Как будто я для них с собой привез
Лишь только мне доподлинно известный,
Ответ на их волнующий вопрос.

Хотя отец и был уже в артели,
Но все его «сумление» брало:
– Скажи, сынок, неужто в самом деле
Одним гуртом и будет жить село?

И поднял клинышек бородки рыжей.
Прошло с тех пор немало бурных лет,
А я его таким и ныне вижу,
С волнением ждущим «праведный» ответ.

Я отвечал общо:
– Придет достаток,
Добьемся светлой, радостной судьбы...
И уезжал опять от жарких схваток,
От той упорной на селе борьбы.

ХII

Березовской село назвали предки
Оно видало много бурь и гроз.
Стоят березы, нежно свесив ветки,
Светло от яркой белизны берез.

Взошло, не гаснет ровное сиянье
Над тихою безбрежностью земли.
Не этого ль хотели поселяне,
Что перво-наперво сюда пришли?

Здесь каждый дом не дом, а словно дача:
Просторен, светел, средь деревьев тих.
Пускай я жил, от дела рук не пряча,
Берег страну в сражениях лихих.

Но как избежать мне щемящей боли,
Приехав вновь в родимые края:
Не я растил березы, сеял поле,
И делал жизнь в родном селе – не я.

И все мне тут и дорого и свято.
И радуюсь, и все-таки стыжусь,
Как будто бы на празднике богатом
Незванным гостем я за стол сажусь.

1966 Анна

Поля, поля родные! Здесь вот,
У этой рощи, у реки,
Осыпало и наше детство
Серебряные лепестки.

Я вспоминаю все, о чем мы
В те дни, в те памятные дни
Мечтали с Колей Фомичевым,
Бродившие вот здесь одни.

Пусть не все сбылись надежды –
Я не ропщу и не тужу.
Но с милым другом, как и прежде,
Опять среди полей брожу.

Прошло три дня, как скорый поезд
Тебя увез, и вот я ныне
Опять читаю нашу повесть,
Что он прервал на середине.

Не опускаю дома шторы,
Гляжу в окно, тоской томимый:
Скорей, скорее, поезд скорый,
Вернись назад с моей любимой!

Я знал тебя совсем иною
В далекой юности моей:
Глаза, пылающие зноем,
И хмель кудрей, и хмель кудрей.
Года оставили отметки:
С лица морщинок не свести.
О яблони сухие ветки,
Ужель вам больше не цвести?

Пускай хороша ты собою:
Что взгляд, что улыбка, что стан.
Но знаешь: меж мной и тобою
Не выйдет, конечно, роман.

Меж нами – ручаюсь смело,
В глаза не пуская пыль, –
Иль грустная выйдет новелла,
Иль слишком смешной водевиль.

Мне дома быть не хочется –
Безмолвье день-деньской.
Бегу от одиночества
В толпу, в поток людской.
Мой врач, я верю, знающий –
Хвала ему, почет, –
Но даже он, товарищи,
Здесь допустил просчет.
В мае ли, в июне ли –
В любое время дня –
Таблетками, пилюлями
Он пичкает меня.
А мне куда полезнее
Людская толкотня,
Все хвори, все болезни
Оставили б меня.

Уйдя с оружием в руках
Дорогой столбовой,
Мы смертным боем на фронтах
Клялись в любви стране родной.
И в передышки краткий срок
Средь выжженных полей
В родимый край, что так далек
И потому милей,

Писали, строчки торопя...
Ведь можно не успеть
Сказать, что жив; всегда тебя
Подстерегала смерть.

Об этом забывать не надо:
Цвела весна, в долине пел ручей.
Мы шли вперед. За поясом гранаты,
Прилажена винтовка на плече.
Дремало поле в розовом тумане,
Благоухала нежная сирень,
Но смертный адрес спрятан был в кармане
У каждого солдата в этот день.

УЧИТЕЛЬНИЦА

I

Маленькое селенье,
Давняя память моя:
И синие вспышки сирени,
И звонкая трель соловья,
И расписные веранды
С узорным цветистым стеклом.
Весеннее солнышко радо
Уткнуться в них теплым лбом.

II

На нивах, немного покатых,
Жило до войны село
Не так чтобы, скажем, богато,
Не так, чтоб в избытке всего.
Порой недостатки, нехватки,
Она ведь не скатерть – судьба.
Но в доме блюли порядки
И вовремя жали хлеба.
И дети гурьбою веселой –
Поднимется солнце в дубок –
Бежали поутру в школу,
Бежали на первый звонок.

III

А в школе, не слишком просторной,
Еще с доколхозной поры
Жила Антонина Петровна,
Любимица всей детворы.
Забыть ее в силах, что ли?
Немножечко вздернутый нос,
Идет, как в каком ореоле,
В венке золотистых кос.
За столик учительский встанет,
И взгляд ее строг и учтив.

И слушают Пети и Тани,
Дыханье в груди затаив.
Она высекает искры
Рассказами в сердце любом
О мальчишке из Симбирска,
Что Лениным станет потом.

IV

Маленькое селенье –
Давняя память моя –
И синие вспышки сирени,
И звонкая трель соловья.
Тебя я иною вижу,
Иной тебя вспомнил теперь.
О будь же ты проклят трижды,
С фашистскою свастикой зверь!
Работай, что хватит мочи,
Молчи, как загробная тень,
И был он чернее ночи,
Глухой в оккупации день
И птицы не пели в ту пору,
И в шелесте листьев грусть.
Лишь лязгали четко затворы
Да слышалось : «Сдайся, Русь!»

V

И люди весне не рады,
И нехотя травы цвели.
Тянуло и гарью и смрадом,
Да ухали взрывы вдали.
Осталось село сиротою –
В глазах непогасший упрек, –
Осталось село за чертою
Ушедшей войны на восток.
А в школе – еще не завтра
Учебный окончится год –
Пьет русскую водку с азартом,

Со вкусом фашистский сброд.
И наши к столу закуски,
И – черт бы их всех побрал –
Они матерятся по-русски,
И так, чтобы с ног, наповал.

VI

Затихло, стемнело немножко,
И вот очертания рук:
Стук-стук, о стекло окошка
Безгласой избы – стук-стук.
– Входи, Антонина Петровна!
– А я на минутку к тебе...
И льется, как струйка, ровно
Журча, шепоток в избе.
И к третьей идет, и к пятой.
– Стук-стук, осторожно впусти...
Ложатся лунные пятна
Меж кленов у ног на пути.
В квартиру вернулись поздно –
В соседний со школою дом.
Глядели сочувственно звезды,
Склоняясь над темным окном.

VII

Стоит на одной из улиц –
В чем теплится только душа? –
Избенка, скривясь и ссутулясь,
Сбоченясь, на ладан дыша.
Давно уж на пенсию вышла,
Стоит и мала и хила,
С поросшей травой крышей –
Музейная редкость села.
Хозяйка – бабка Апрося –
Решила, живя у сына:
Избенка ведь хлеба не просит,
Пускай постоит пока.

И как оно ныне-то верить...
Сноха, если б только сынок...
Висит лет десять на двери,
А может, и больше, замок.

VIII

Сюда вот – за пазуху книжки –
Поутру с оглядкой шли
И девочки и мальчишки
По теплой на тропках пыли.
В избушке куда как скромно,
Да ладно, не в этом толк,
И вновь Антонина Петровна
Ведет, как и прежде, урок.
Столы кой-какие, скамейки.
Война же, конечно, войной.
И вновь востроглазых семейка
Вся вместе, под кровлей одной.
С надвория окнами в поле.
И кто так на выдумку смел:
Проходят занятия «в школе» –
Замок же висит как висел.

IX

И день, и второй, и третий.
У немцев, незваных гостей,
Избенка лишь тем на примете,
Что пусто, безжизненно в ней.
Чуть слышно: – Пишите красиво!
И в голосе вера и страсть.
«Никто не осилит Россию,
Родную Советскую власть!»
И тянут перья скрипуче
Узорную строчки нить –
«Рассеются скоро тучи –
Ведь солнца врагам не убить».

Х

Бои, словно волны морские,
Отхлынут, нахлынут опять.
То дальние взрывы, глухие,
То близко, рукою подать.
Прожекторы, словно пики,
Вонзаются в сумрак ночной.
Все ближе пустынно-дикий
Орудий немолчный вой.
Захватчик топтался на месте,
Но вот краснозвездный солдат
В порыве и гнева и мести
Отбросил его назад.
Отбросил назад супостата
И гонит с земли родной,
Взимая с незваного плату
За горе, за смерть – головой.

ХІ

Как вспомню об этом – и словно
Бинты отдираю от ран...
Ведут Антонину Петровну
В фашистский разбойничий стан.
В глазах ее жаркие искры,
Не горькая, знаю, слеза:
Потушит их скоро выстрел
Иль петля, по горлу скользя.
Была бы возможность риска---
Лишь стиснула зубы, молчит.
– Попался, рус, коммунистка!
Зачьем ты ребят уйчит?
И как будет горько нашим,
С рассветом под крики «ура»
Селение с боем взявшим,
Увидеть, что было вчера...

XII

На огненной вдаль колеснице
Умчалось то время, пыля.
Поют по-весеннему птицы,
В тепле разомлела земля.
Маленькое селенье –
Зеленый бушующий сад, –
Над окнами в легком волненье
Цветущие ветки висят.
Тебя осыплют зори
И полдень пылью золотой.
Вон выросла школа на взгорье,
Пленяя своей красотой.
Лишь только откроешь двери,
Едва переступишь порог, –
И верить глазам и не верить!
И как он, художник, смог?!

XIII

Стоит Антонина Петровна,
Как многие годы назад:
Сиянием солнечным тронут
Ее непомеркнувший взгляд.
Стоит она в самой чаще
Ребячьих живых голосов.
А школа – что улей гудящий,
Что шумы весенних лесов...

Я вышел в поле на рассвете.
Туман стелился по земле,
Заря всходила, свежий ветер
Пахнул мне в лицо и в душу мне.
Я им доверился счастливо,
Росистым стежкам, пусть ведут.
И неоглядность... Волны нивы
О берег горизонта бьют.
Я позабыл про все на свете,
Стою, не шевельнусь, затих,
Гляжу, гляжу на волны эти,
На розовые гребни их.
Мне никогда не наглядеться,
Мне по сердцу колосьев звон.
Так сказкою в далеком детстве
Я был когда-то полонен.
И тем доволен, что живу я
Не где-то от полей вдали,
Что вижу красоту живую,
Живую слышу речь земли.

Помашу рукою на прощанье,
Уходя заветною тропой,
Хорошо не видеть взгляд печальный
И глубокий вздох не слышать твой.

Ни метелью, ни листвою багровой
Верный путь к тебе не замести.
Зори гаснут, зори всходят снова,
Провожая, долго не грусти.

О как я вырваться хочу
Из дома, словно из неволи,
Чтобы с тобой плечо к плечу,
В лугах зеленых, в чистом поле

Опять беспечно побродить,
Дыша, пьянея ветром шалым,
И позабыть, и позабыть,
Что сердце чуточку устало.

Развею комнатную грусть –
Прости-прощай, такое лихо, –
На автостанцию явлюсь,
Куплю билет до Журавлихи.

И за решеткою, в окне –
Как заключенная какая –
Кассирша улыбнется мне
И позавидует, вздыхая.

Дмитрию Степанову

Мы с тобой забываем друг друга
И не ведаем в этом беды.
Время, время, оно, как вьюга,
Заметает меж нами следы.

Заедает нас сутолка будней.
Но придет предназначенный срок –
Как ревниво беречь мы будем
Давней дружбы в душе огонек.

ТОПОЛЬ

Под дождиком, что сыплет и сыплет,
Средь поля тополь стоял одинок.
Он пел о чем-то надрывно и сипло,
Роняя на землю один за другим листок.
Там был поселок, и в нем, наверно,
Было не более двух десятков дворов.
И жил поселок под шорох нивы мерный,
Под крик петухов и мычанье коров.
Осенние краски до срока сюда приходили,
С большим запозданием ручьи по весне начинали петь.
Так жили люди, так они жили:
Ворота в степь, и окна в степь,
И двери в степь.

Ведь это совсем никуда не годится:
Покинули лес перелетные птицы.
Как же могло такое случиться?
Весь лес так наряден, так солнцем лучится.
В такое не сразу поверишь, пожалуй:
Мы так любовались огромным пожаром.
И так же красиво березы горели
Не день и не два, а недели, недели,
Пока не опали осенью мгlistой
С обугленных веток багровые листья.

До чего же весна всеильная!
Вы б такое поверить могли:
На всех столбах телеграфной линии
Белые лилии расцвели?

КУКУШКА

Весенний день ушел. Зари
Уже тускнеет позолота.
Соври, кукушка, мне соври,
Да так, чтоб сбился я со счета.

Склонился к моему плечу
Ветвистый тополь. Новолунье.
Кукуй. Кукушка, я хочу
Тебе поверить, вечной лгунье.

Звонили петухи
Во все колокола:
– Рассвет, рассвет!
Но всюду ночи мгла.
Когда горланить
Силы больше нет –
Пришел осенний медленный рассвет.

ВЯЗ

Здорово, вяз, развесистый на диво,
Высокий, подпирающий собою небосклон.
И ты немного сдал: чудь поредела грива,
Кора полопалась, а все еще силен.

Ну как живешь? Рассказывай, поведай.
Наверно, в тихий час, когда бестрепетны листы,
Ты слышишь скрип телег моих отцов и дедов,
Их голоса далекие, наверно, слышишь ты?

Спасибо, вяз, что укрывал ты жницу
В своей тени. Наверно, помнишь до сих пор
Красивую на редкость молодицу,
Ее задумчивый, с печалинкою взор?

Положит, помнишь, вяз, горячий серп в сторонку,
Соленую росу сотрет с лица платком,
И запоеет она протяжно и негромко...
Ты, может, помнишь, вяз, о чем та песнь, о ком?

Видала жница всякого немало.
Знавала радость и знавала грусть.
Не дозовусь ее сыновним: «Мама, мама!»
Земля глуха, вовек не дозовусь.

Старинный вяз, хочу побыть с тобою вместе
И будто наяву в безмолвии полей
Хочу услышать, вяз, раздумчивую песню,
Не горький вздох – а песню матери моей.

ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ

Журавли летят, летят, курлыча,
Покидая край свой обжитой.
То ли плачут, то ль кого-то кличут.
Помаши им ласково рукой.

Провожая с замираньем сердца,
Пожелай большого счастья им –
Испокон веков переселенцам,
И небесным, и таким земным.

Золотое тучек оперенье.
Но для нас дороже и милей
В этот час увидеть в отдаленье
Тонкую цепочку журавлей.

Только им, пожалуй, неизвестно,
Им совсем не видно, может быть:
Вся Россия вышла повсеместно
В дальний путь их снова проводить.

Горожане, люди сел и пашен
Устремляют в небо нежный взгляд.
Трактористы кепками им машут
Возвращайтесь, мол, скорей назад.

Эта беда – не велика беда.
Главная беда – впереди всегда:
Ведь нам еще предстоит постареть,
Ведь нам еще предстоит помереть.

Но мы – бедовые люди. Мы,
Мы не боимся могильной тьмы,
И было бы можно, в кругу друзей
Мы грянули б песню на тризне своей.

Загрустил, загоревал,
Занемог,
И опять в одну слились
Сто дорог.

И бежит к тебе, бежит
Она,
Так к волне бежит
Волна.

Как подбитый самолет
В войну,
До тебя, как он к своим,
Дотяну.

На последнем стуке сердца
Точка. Стой!
Но оно сильнее забьется –
Ты со мной!

– Вернись, вернись, – кричу, – вернись!
Тропинка вьется круто.
А ты стремглав сбегашь вниз –
Навстречу морю, утру.

Ты в легких тапочках своих
И в платице из ситца.
И кажется, что в этот миг
Ты обратишься птицей.

Ты станешь чайкой. Синь. Вода...
Не верю, не приемлю –
Что добровольно навсегда
Оставить можно землю.

Б.В. Семенову

Едва прорезалось окно:
Светает еле-еле.
– Ну что там море? Как оно?
Скучает друг в постели.

Он тихо говорит со мной –
Ни жалобы, ни вздоха,
Как будто бы не он больной,
А морю стало плохо.

Смеемся, мы сходим с корабля
Под крик дотошных чаек,
Хоть под ногами и земля.
Но нас еще качает.

Идем с морской прогулки вдоль
Аллеи «Луч надежды».
Приятна губ студеной соль
И влага от одежды.

Идем, шутницы, шутники,
Развязны и беспечны,
Забыв, закону вопреки,
Что время быстротечно,

Что очень скоро кто куда
Уедем рейсом энским
К своим делам, что ждут всегда,
К другим морям – житейским.

Ну что же море? Срок настал –
Последнее свиданье.
За валом вал, за валом вал
Ты катишь на прощанье.

И пусть не вижу в том беды,
Едва простясь со мною,
Ты смоешь все мои следы
Соленою волною.

Спасибо ж, море, что меня
Ты ласково качало,
Что верил я сиянье дня,
Что сердцу легче стало.

Ты знаешь: есть у нас, людей,
Привязанности с детства.
От них, поверишь, хоть убей –
Нам никуда не деться.

И я уже затосковал –
Особый род недуга, –
Как будто век их не видал –
По полю, саду, лугу.

По росам. Сельской тишине,
По домику на взгорье.
По самой милой стороне...
Прощай, прощай же, море!

КОСЬБА

Иду знакомым лугом я,
Лучей слепящее сиянье.
Пробил скорлупку забытья
Бессонный клюв воспоминанья...

На небе солнце жарко жгло,
А на лугу сверкали косы.
Дыша натужно, тяжело,
Шли мужики, как в детстве, босы.

Высоко засучив портки,
Как только из воды, вспотели.
Шли, упираясь, мужики,
Лишь косы дискантами пели.

И ни единого словца.
Трава ложилась ряд за рядом.
И только падали с лица
Соленые росинки градом.

У мужиков широкий взмах,
Трава – роса ли, не роса ли –
Как будто издавала «ах»,
Когда ее с косы бросали.

Как будто бы постичь могла
Своим бесхитростным понятием,
Что если под косой легла,
То головы уж не поднять ей.

Уже в лугах перепела
Вечерние слагали песни.
Луна средь туч плыла, плыла,
Но оставалась все на месте.

Вдали, где гуще синева,
Немного сдержанней и строже,
Заученно, как дважды два,
Играл дергач одно и то же.

А мужики все шли и шли.
Косьба – нелегкая работа!
О! не цветами ль проросли,
Вот этими, их капли пота...

И завладел, быть может, мной
Не шум травы, на самом деле,
А отголосок песни той,
Что мужики за чаркой пели.

МУЖИКИ

Я снова вас вижу,
мужики моего родного села.
Будто вы не повымерли все,
будто вы на фронтах не побиты.
Жили часто вот так:
– Эх, была, не была!
Знали редкие радости
и одна за другою обиды.

Вы опять предо мною
на скрипучих и шатких возах,
В незакатный,
безветренный полдень июля,
У завалинок хат
в самотканых холстинных штанах,
С метким словом,
как в самое яблочко пуля.

И коса, и соха,
и босыми ногами по серой пыли.
До чего ж на слова мастера,
до чего же горазды на деле!
Мужики, мужики,
ваши зори давно отцвели,
Ваши песни давно
по степям отшумели.

Но ракетами, вязами
помнит поле о вас.
Беспредельные нивы
ходят грузно и дышат жарко.
Эх, воскреснуть бы вам,
увидать их хоть раз!
И тогда умереть, видно,
было б не жалко.

Красоту твою ныне
Не заметят, может статься, –
Я, наверно, не устану
Век тобою любоваться.

Милый край, родное поле!
Я влюблен в тебя с рожденья.
Здесь беру свои я силы,
Радость, счастье, вдохновенье.

Эти песни, что пишу я,
Ты давно мне нашептало
Тихоструйной светлой речкой,
Нивой, лугом, красноталом.

Ты проходишь листопадом
В блеске вся, в сиянье вся.
Ты проходишь тихим садом,
Гордо голову неся.

Ты всему на свете рада,
Все приветствуешь, любя.
Загорелись сотни радуг
Над тобой, вокруг тебя.

НА ЗОРЬКЕ

На зорьке травы еле-еле
Шумят в тяжелых каплях рос.
А знаешь ли, и в самом деле,
Денек-другой – начнем покос.

Отрадны мне часы работы,
Веселой, дружной, боевой,
Косы сверкающие взлеты
Над настороженной травой.

Когда сиреневым пожаром
Охватит вечер все кругом,
Мы сядем рядом с кашеваром,
И вспыхнет песня над костром.

Заснешь, ее теплом согреты...
Люблю степные вечера.
И с первой птицей в час рассвета:
«А ну, дружки, вставать пора!»

Всеми окнами дом распахнут,
Голубеет, сдаваясь мрак.
Как сады на рассвете пахнут!
Соловьи-то безумствуют как!

И опять я чуть свет в дороге.
Солнце сыплет навстречу лучи...
Пусть сомненья мои тревоги
Остаются в минувшей ночи.

Я К ТЕБЕ ПРИХОЖУ...

Я к тебе прихожу, как прежде,
На колени склоняясь, моля
С затаенной в груди надеждой:
– Дай мне силы, родная земля.

Я ведь знаю: ты всемогуща,
Даришь миру и грозы и тишь,
И хлеба, и лесные пущи
Ты живительной влагой поишь.

Я прошу у тебя немного –
Горько пасть посредине пути, –
Сделай так, чтоб земную дорогу
Я бы смог до конца пройти.

Мне особого счастья не надо,
Ты мне лишнего не дари, –
Только слушать бы шорохи сада,
Только б видеть румянец зари.

Пусть и взлеты, и пусть паденья,
Пусть и радости, пусть и боль,
Пусть удачи, и пусть огорченья –
В этом жизни извечная соль.

Сделай так, чтоб не скоро север
Остудил бы цветы на лугу.
Я не все еще поле засеял,
Я еще пред тобою в долгу.

24 марта 1968 г.

«АННИНСКИЕ ВЕСТИ» – О КОЛЛЕГЕ

Редакция районной газеты «Аннинские вести» по праву гордится своим коллегой. Кузнецов Арсений Михеевич был не только талантливым педагогом, поэтом, журналистом, но и организатором газетного дела. Он руководил нештатным отделом редакции, редактировал поэтическую рубрику газеты «Литературное Прибитюжье».

Как поэт он радовал читателей хорошими стихами. Писал их после работы, по ночам. Сохранились его рабочие тетради, письменный стол, шкафы с книгами, переписка с Анатолием Жигулиным, Николаем Якушевым, Николаем Фомичёвым – друзьями по литературному цеху. Обстановку в доме, где Арсений Кузнецов жил и творил, после его смерти не меняли, и она сохранилась до наших дней. Мы надеемся, что со временем на стене дома № 15 на улице Гоголя в Анне появится памятная доска, которая напомнит ныне живущим об аннинском «жаворонке» - Арсении Кузнецове, воспевшем в стихах родное Прибитюжье.

В архиве редакции хранятся тома подшивок газеты «Коллективный труд» (позднее – «Ленинец»). В них – малоисследованное творчество Арсения Кузнецова – публициста, руководителя нештатного отдела редакции этой газеты. Его перу принадлежит обращение к сельским корреспондентам «О чём и как писать в газету?» (№ 80, 3 июля, 1960 год). Кузнецов А.М. пишет: «Печать в нашей стране пользуется огромным уважением, почётом широких масс. Да это и понятно: она выражает их интересы, она и делается широкими массами. Чем больше в газете корреспондентов и корреспонденций, тем она интересней, тем лучше её читают.

Теперь трудно найти человека, не умеющего писать, не владеющего достаточной грамотностью, чтобы сделать корреспонденцию. Однако, часто можно слышать: о чём писать, как писать в газету?

Полнокровной жизнью живут наши люди. Многогранны их интересы, многогранна их деятельность. Газета и долж-

на отображать, как в зеркале, нашу действительность, чтобы каждый человек, живущий, скажем, далеко за пределами Аннинского района, читая «Коллективный труд», мог знать, ясно и безошибочно представить, чем и как живут в Аннинском районе.

Наступает горячая страда. Доброе слово, сказанное в печати о полеводах на уборочной, воодушевит их, как бы вдохнёт новые силы и уверенность в труде.

И сельский корреспондент – им может и должен быть каждый, – находясь в гуще народа, сумеет много подметить, рассказать в печати о передовых людях, остро и хлёстко бичевать нерадивых. Это, безусловно, положительно скажется на делах.

За выполнение высоких обязательств борются труженики ферм. Добиться хороших результатов по производству и продаже государству продуктов животноводства – нелегкое дело.

Огромную силу в этом может сказать правдивое перо сельского корреспондента. Постарался пастух, пренебрёг отдыхом – и показатели на фермы сразу дали скачок. Используй этот свежий факт, селькор, и сразу напиши в газету. Прочитают твою заметку с пользой. Подметишь недостатки, и об этом не умолчи, селькор.

Газету и читателей интересует не одна сторона жизни, не только, как трудятся люди, но и как они отдыхают, как ведут себя в обществе, в семье, в кругу товарищей, что читают, чем занимаются на досуге. Одним словом, не только то, что из себя представляет тот или иной на работе человек, но каков он вообще. Ведь представление о человеке не ограничивается рамками производства. (...)

Газета с тем большим интересом читается, чем больше в ней разных жанров. Помимо простых информации, в которых в нескольких рассказывается об успехах отдельных тружеников или целых коллективов, помимо критических заметок или заметок о хорошем, помимо обычной статьи в газете хорошо встретить зарисовки, очерк, рассказ, стихотворение, басню, фельетон. (....)

Наша газета выходит три раза в неделю. Такая периодичность обязывает, чтобы материалы в ней были свежими, чтобы

она сообщала действительно новое, а не то, что давно прошло, что и без газеты знали.

Сельский корреспондент, не откладывая написать о том, что ты увидел сегодня, чему был сам свидетелем, в чём был сам участник. Видишь, что твоя корреспонденция достойна печати, что она поможет поправить дело или ещё более улучшить его, напиши.

Правда, газета не всегда печатает все материалы, которые получает. Да в этом порой нет нужды. Пенсионер Е. прислал письмо в редакцию о том, что в отделённые посёлки Анны не завозят керосин. Работник редакции поговорил об этом письме с руководителями райпотребсоюза и на следующий день этот недостаток в работе торгующих учреждений был устранён.

Газета – сила. Селькор, стань в первые ряды тружеников семилетки и своим острым и правдивым пером помогай общему делу!»

Обращение, написанное Арсением Михеевичем, было программным документом для сельских корреспондентов и многих поколений журналистов. Так же как и тексты его рецензий на поэтические сборники, например, на обзоры стихов «Секрет успеха, в чём он?», на книгу друга Алексея Кочергина «Улица Горького»: «Хорошо, добротно сделано». (15 августа 1965 года, 4 стр., газета «Ленинец»).

В одном из обзоров А.Кузнецов пишет: «Наряду с письмами, заметками, корреспонденциями, «Ленинец» получает много стихов. Лучшие из них выносятся на полосу в надежде, что они доставят душевное удовлетворение читателям. Большинство стихов надо было рецензировать. Одна девушка показала нам пяток стихотворений и заявила, что написала их за одну ночь. В истории поэзии есть подобные случаи, но они относятся к опытным поэтам, признанным, выпустившим не одну книгу стихов. В поэзии как нигде, нельзя обогащаться количеством. Недаром же бессчётно раз повторяются у нас слова Владимира Маяковского: «Поэзия – та же добыча радия». Эти слова в полной мере относятся к поэтическому творчеству нашего коллеги.

Пик его творческой и профессиональной активности выпал на шестидесятые годы прошлого столетия. Страница «Литературного Прибитюжья» своим содержанием и вёрсткой, с клишированными рисованными заголовками и заставками, учитывая, что в ту пору была высокая печать, были произведением полиграфического искусства, художественного вкуса ответственного секретаря. Поэмы и басни, дружеские шаржи, рассказы и фельетоны, написанные авторским активом и штатными сотрудниками, выводили газету в число лучших печатных изданий Воронежской области. Георгий Струков, Павел Мартынов – редакторы нашей газеты, вошли в золотой фонд воронежской журналистики. Георгий Струков и Павел Мартынов ушли на повышение в Воронеж. Павел Иванович работал преподавателем на кафедре отделения журналистики ВГУ. Георгий Струков возглавлял сектор печати в Воронежском обкоме КПСС.

Фёдор Карасёв, Лев Пупков, Семён Борзунов, Дмитрий Степанов, Николай Огурцов, Михаил Спицин, Пётр Курзанов – поколение талантливых авторов – писали историю Аннинского края. Авторский актив сельских корреспондентов, который называли нештатной редакцией, сообщал в своих письмах новости со всех уголков большого аграрного района. В свет их готовил и Арсений Кузнецов. Учил любить слово. Большую роль сыграл он в судьбе Михаила Хорошилова, выпускника Рамоньской школы. Михаилу Петровичу, как он сам рассказывал, не раз «доставалось» на заседаниях литгруппы. Редакционные уроки, талант и трудолюбие, учёба в Борисоглебском пединституте открыли Михаилу Петровичу дорогу в журналистику. Он редактировал районную газету в Терновке, создал газету «Вне политики», возглавлял телекомпанию «Анна», работал заместителем главного редактора газеты «Аннинские вести».

В ту яркую творческую для поэта пору опубликованы поэмы «Березовка», «Зинаида Тимофеевна», стихотворение «Анна». И сегодня современны его корреспонденции «Суд товарищей» о людях, не желающих работать («Лени-

нец», 16 июня, 1965 года), «Заметки с натуры» под рубрикой «С блокнотом по Анне» («Коллективный труд», № 62, 22 мая 1960 года), дружеские шаржи на Михаила Коршунова («Коллективный труд», 18 декабря, 1960 года). Очерки и зарисовки, вездесущий «Ёжик», указывающий копьём на производственные и хозяйственные недостатки. Это литературное наследие хранит редакционный архив.

Книга «Жаворонок в поднебесье» выходит по инициативе редакции газеты «Аннинские вести» и краеведа Березовской школы Аксеновой Ларисы Ивановны под редакцией Галины Васильевны Шатуновой, известного журналиста, советника департамента образования науки и молодежной политики Воронежской области.

Мы благодарим за активное участие и материальную поддержку Галину Арсеньевну Кузнецову – дочь поэта, Михаила Ивановича Никитина – генерального директора ЗАО «Путь Ленина», Владимира Михайловича Сапожкова – председателя Аннинской ассоциации крестьянских и фермерских хозяйств, друзей семьи Кузнецовых – Ивана Ивановича Новосёлова и Сергея Алексеевича Гусева, Николая Александровича Облова – бывшего редактора газеты «Ленинец» («Аннинские вести»), Наталью Сергеевну Кузнецову – сотрудника редакции газеты «Аннинские вести», предпринимателей – Анатолия Ильича Жихарева, Людмилу Семёновну Губину, Охтияра Тагирова.

Александр Владимирович ШАЛАТОВ,
главный редактор газеты «Аннинские вести»,

Людмила Николаевна СКОПИНЦЕВА,
обозреватель газеты «Аннинские вести».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.И. Аксенова, Г.В. Шатунова. Поэт, учитель, журналист</i>	4
ЖАВОРОНОК	13
ХЛЕБ	14
АННА	16
ОТРАДА	18
ВЕСНА	19
«Мы знаем: и завтра станет вчерашним...»	19
«Я этот холмик с детства помню...»	20
КЛЕН	21
«Я стою у твоей кровати...»	22
«Здесь все родное: нивы и дубравы...»	22
ПАМЯТНИК ГЕРОЮ-ЗЕМЛЯКУ	23
РОДНОЕ ПОЛЕ	24
ПОКОС	25
ХОРОШИЙ ДЕНЬ	26
АГРОНОМ	27
ДОРОГА	28
АВГУСТ	29
«С зари до самого темна...»	29
О ЧЕМ ПОЕШЬ ТЫ?	30
«Что-то редко мы пишем друг другу...»	30
ДРУГУ	31
«К тебе я вышел утром рано...»	32
«Я жду тебя на перекрестке...»	32
«Где ты скрылась от меня...»	33
«Это дворик в зелени сирени...»	34
«Сад отцвел. Но не печалься ты...»	34
«Только я подошел к порогу...»	35
«За рекою, на той стороне...»	35
«Не пурга заставила ...»	36

«Позабудь, что так много значило...»	37
«Про милого говорят...»	37
«Давней памятью сердце богато...»	38
УЛЫБКА	39
«Радостно мне и мило...»	40
«Не сказала я при встрече...»	40
«Облетели сады, облетели...»	41
В МАРТЕ	42
РУЧЕЙ	42
РЕЧКА	43
ОДУВАНЧИК	43
ДОЖДЬ	44
ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ	44
«Неранней осени пора...»	45
«Ты напрасно, ветер, ропщешь...»	46
ЗИМНЕЕ УТРО	47
СЫНИШКЕ	48
У ШКОЛЫ	49
«Было так же: середина лета...»	50
ДОЧЕРИ	51
«Во сне мне видится дорога...»	51
НОЧЬЮ	52
«Ну что в тебе? Лишь ветра свист...»	53
«Стояла ночь на грани утра...»	53
«То в гору тропка шла, крута...»	54
«Что весел, мой соловушка...»	54
«Безветрие, безмолвие, и ни души вокруг...»	55
«Я выпью с радостью за вас...»	55
«Здравствуй, в самом начале...»	56
В ЛУГА, В ПОЛЯ ИДУ	57
«Золотые прожилки дорог...»	59
«И вставал я раньше, чем обычно...»	59
РОДНИК	60

«Шофер машину напоил...»	61
«День угасал, звенящий, светлый...»	61
«По синему полю, по синим лесам...»	61
«Август, август, зрелость лета...»	62
«Так со мною, сколько живу...»	62
«Давно испытана она...»	63
«Воспоминания цветы...»	63
«Что ж ты так долго не пишешь домой, так долго?»	64
«Земля дышала утренней прохладой...»	64
«Спадает четкий лист кленовый...»	65
«Цветы, цветы, цветы вокруг...»	65
«Качает ветер степь, качает и качает...»	65
ПОЛЕ	66
БЕРЕЗА	67
«Знать, под ее корой лучистой...»	68
«На автостанцию хожу...»	68
«Кругом безлюдно, тихо стало...»	69
«Вдали поет гармоника...»	70
«Я по тропкам твоим хожу...»	70
«Я нездоров. Уж третий день ...»	71
«Боюсь я более всего...»	72
«Скорее, что ли...»	72
«Не всегда ты, сердце, право...»	73
«Опять в ожидании строгом ...»	73
«Метель валит, валит такая...»	74
«Хороший денек. Зеленые ели ...»	74
«А ты не волнуйся напрасно...»	74
ВОЗВРАЩЕНИЕ	75
БЕРЕЗОВКА	82
«Поля, поля родные! Здесь вот...»	91
«Прошло три дня, как скорый поезд ...»	91
«Я знал тебя совсем иною ...»	92
«Пускай хороша ты собою...»	92

«Мне дома быть не хочется...».....	93
«Уйдя с оружием в руках ...»	94
«Об этом забывать не надо...»	94
УЧИТЕЛЬНИЦА.....	95
«Я вышел в поле на рассвете...»	101
«Помашу рукою на прощанье...»	102
«О как я вырваться хочу ...»	102
«Мы с тобой забываем друг друга ...».....	103
ТОПОЛЬ.....	104
«Ведь это совсем никуда не годится...»	105
«До чего же весна всесильная!»	105
КУКУШКА	106
«Звонили петухи...»	106
ВЯЗ	107
ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ	108
«Это беда – не велика беда...»	109
«Загрустил, загоревал...».....	109
«Вернись, вернись, – кричу, – вернись!»	110
«Едва прорезалось окно...»	110
«Смеясь, мы сходим с корабля ...».....	111
«Ну что же море? Срок настал...»	112
КОСЬБА.....	113
МУЖИКИ	115
«Красоту твою ныне ...»	116
«Ты проходишь листопадом ...»	117
НА ЗОРЬКЕ	118
Я К ТЕБЕ ПРИХОЖУ	119
<i>А.В. Шалатов, Л.Н. Скопинцева. «Аннинские вести» –</i> <i>о коллеге</i>	<i>120</i>



*Мать А. Кузнецова Татьяна Кузьминична,
сестры Полина и Дарья.*



Н.М. Якушев



А.М. Кузнецов



Арсений Кузнецов и Клавдия Соломатина. 21 июня 1941 г.



А.М. Кузнецов с женой Клавдией Ивановной. Воронеж, 05.01.1952 г.



А.М. Кузнецов по дороге на работу в Нащёкино. 1958 г.



*А.М. Кузнецов, жена Клавдия Ивановна,
дочь Галина и сын Алексей. Анна, 1947 г.*



*А. Кузнецов с сыном Владимиром и женой Клавдией Ивановной.
Стоят – сестра Дарья Михеевна и дочь поэта Галина*



*А.М. Кузнецов, жена Клавдия Ивановна,
дочь Галина и сын Владимир*



В редакции газеты «Коллективный труд»



*В первом ряду: Татьяна Кузьминична, Дарья Михеевна
и сын А. Кузнецова Владимир. Анна, 29.08.1954 г.*



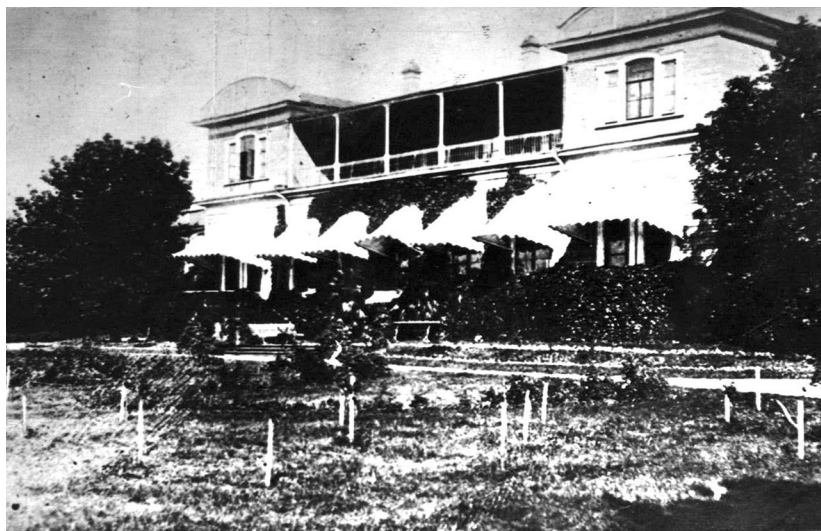
Вечерняя средняя школа рабочей молодежи. Анна, 04.11.1961 г.



*А.М. Кузнецов с другом, поэтом
Николаем Михайловичем Якушевым, 1959 г.*



А.М. Кузнецов с другом Николаем Константиновичем Фомичевым



*Усадьба Алексея Ивановича Станкевича (1899-1926).
с.Новый Курлак*



Школа крестьянской молодежи. с. Новый Курлак, 1928 г.



В редакции газеты «Ленинец». 10.12.1958 г.



*Памятник на могиле
А.М. Кузнецова*



*А.М. Кузнецов
работает над стихами*



Ф.П.Жданов (1913-1943) – школьный друг А. Кузнецова



К.П. Жданова рассказывает о семье А. Кузнецова. Березовка, 2008 г.



Г.А. Кузнецова показывает библиотеку отца. 2014 г.



Дом А. Кузнецова. Анна, ул. Гоголя, дом 15. 2014 г.



*Березовские краеведы на конференции
в Доме детского творчества. Анна, 2015 г.*



*Л.И. Аксенова с краоведами Березовской школы
в доме поэта. Анна, 2014 г.*



*100-летие А.М. Кузнецова в Березовской школе
(у окна Н. Облов и Л. Скопинцева). 2014 г.*



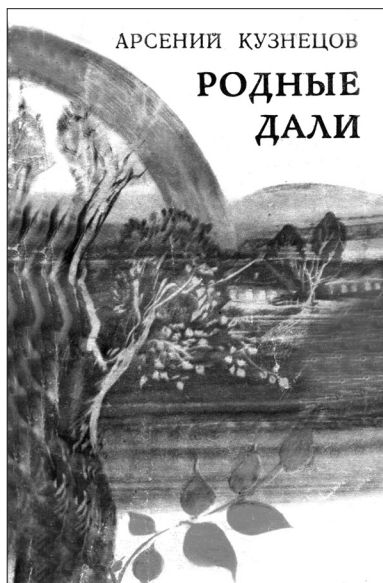
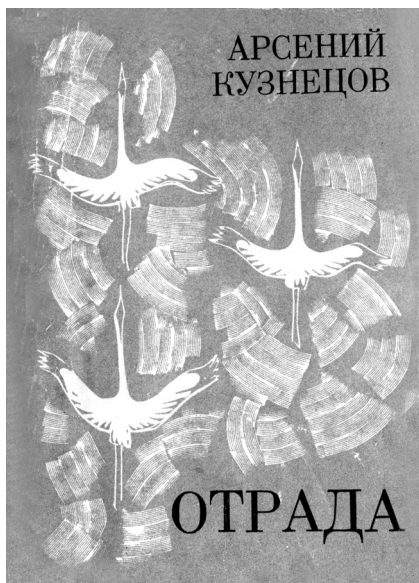
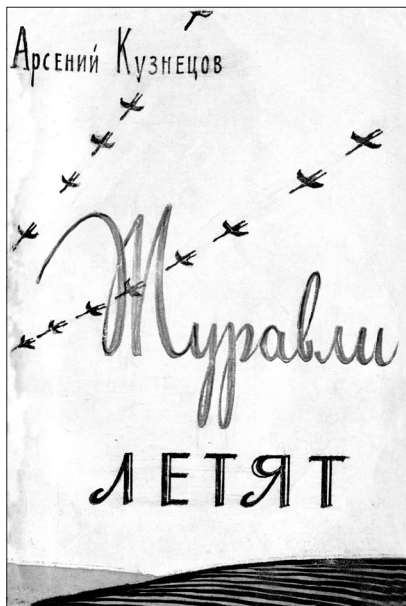
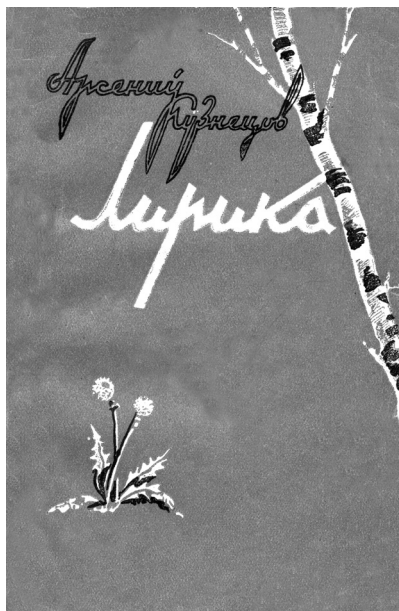
*Ученики 6 класса исполняют песню Т. Тарасовой
на стихи А. Кузнецова «Родина». Березовка, 2014 г.*



В школьном музее. Н.Г. Мугутасимова и С.Н. Никитина знакомятся с рукописью поэта. Березовка, 2014 г.



100-летие А. Кузнецова в Березовской школе. 11.11.2014



Сборники стихов А. Кузнецова (1956, 1960, 1968, 1984)

Художественное издание

Кузнецов Арсений Михеевич

ЖАВОРОНОК В ПОДНЕБЕСЬЕ

Сборник стихов

Редактор – Г.В. Шатунова

Издательский дом «Кварта»
Россия, 394016, Воронеж, пер. Ученический, 5
Тел./факс +7(473) 275-55-44. E-mail: kvarta3@kvarta.ru

Формат 60x84/16. Подписано в печать 05.04.2016.
Усл. печ. л. 9,0. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура MinionPro. Тираж 200. Заказ 16.

Отпечатано в ООО типография «Кварта».
394049, г. Воронеж, Московский проспект, 11.